

Алекс Хилл

18+

ОНА ЗНАЕТ, КАК ЗАВОЕВАТЬ
СЕРДЦЕ ХУЛИГАНА.

НО КТО СМОЖЕТ
ПЛЕНИТЬ
ЕЕ СЕРДЦЕ?

ОНА ЛЮБИТ
ПЛОХИХ ПАРНЕЙ

Алекс Хилл
Она любит плохих парней
Серия «Young Adult.
Инстахит. Романтика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69028996

Она любит плохих парней: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-180608-8

Аннотация

Она знает, как завоевать сердце хулигана.

Но кто сможет пленить ее сердце?

Катя Карпова обожает любовные романы, без оглядки верит в искренность чувств и успешно использует методы книжных героинь в жизни.

И вроде бы все складывается идеально: на парах скучать некогда, самый желанный парень универа встречается именно с Катей, но быть девушкой плохиша, оказывается, совсем не весело. Постоянные скандалы, измены и сплошные разочарования.

Но Катя не из тех, кто опускает руки. Она привыкла действовать решительно. Поцеловать молодого симпатичного аспиранта? Нет проблем! Заключить пари и стать его девушкой? Вызов принят!

Добиться хорошего парня куда легче, чем плохого, но, возможно... сначала стоит узнать его получше?

«История, где вы вместе с главной героиней будете смеяться в голос и плакать от отчаяния, разговаривать с внутренним редактором и совершать необдуманные поступки.

Не понимать, куда же в конечном счете приведет сюжет, и читать не отрываясь!» – Маша @ms.hedgehog

«Казалось бы, нелепая ситуация, с которой столкнулась Катя, положила начало отношениям, изначально обреченным на провал.

Но в итоге история превращается в тот самый роман, который дарит радость и веру в настоящую любовь». – Анчи @__bookdream

Внутри – приятный подарок! Рецепт простого ужина от невероятно страстного героя новой книги.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	26
Глава 3	54
Глава 4	78
Глава 5	98
Глава 6	119
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Алекс Хилл

Она любит плохих парней

© Хилл А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Плей-лист

Саша Хлу – Думали, справимся

Бу Индия – Люби меня так

Lana Del Rey – Dark Paradise (Parov Stelar Remix)

Jeremih – Fuck u all the time (Shlohmo Remix)

Ирина Дубцова – Гештальты

Two Feet – Lost The Game

Christina Aguilera – Hurt

Бумбокс – Я твой

Damien Rice & Lisa Hannigan – There alright

Асия – Спасибо

Глава 1

Знаете ли вы, что люди сплетничают в полный голос, если предмет обсуждения находится рядом, но в наушниках? Я вот знаю и поэтому никогда не слушаю музыку в универе. Разговоры куда интереснее.

– Я серьезно, это конец! Он ее бросил! Совсем! Вообще! – взволнованно тараторит Таня Борисова.

– Через пару недель сойдутся, как только Быков нагуляется. Сколько раз они уже расставались? – язвительно спрашивает Неля Жаркова.

– Этот будет последним, точно тебе говорю. Мне Олька рассказала все в красках, она была в клубе вчера вечером.

– И как все было?

– Карпова выла паровой сиреной, потому что Бык сошелся с кем-то в серой комнате, а пото-о-ом... Она выплеснула коктейль ему в лицо и шарахнула стакан об пол!

– Да ладно?! А что Бык?

– А он ей вмазал, – смеется Таня. – Прямо по рыжей морде.

Медленно втягиваю воздух через нос, глядя на мелькающие ноги, что шагают по потертой мраморной плитке университетского холла, и изо всех сил стараюсь сдерживать едкую усмешку. У девчонок фиговый информатор, и я даже боюсь представить, какие еще слухи будут ходить через пару дней

словесного полоскания моего разрыва с Быковым. Интересно, до летального дойдет? Может, вместо стакана у меня появится нож или Рома не по лицу мне съездит, а ударит головой об стол. Хорошая была бы точка. Жирная.

– Обалдеть! – верещит Неля. – Врагу такого не пожелаешь, жесть какая.

– Еще скажи, что тебе ее жаль, – злобно цедит Таня. – Карпова сама виновата. Только вспомни, как она вела себя весь прошлый год. Жирная язва с рыжими кудряшками и надменной рожей. Вцепилась в Быка, будто пиявка, лишь бы залезть повыше. До сих пор не пойму, что он в ней нашел?

– Мы обе знаем *что*. Как еще ей удалось бы так похудеть? Скакала на нем двадцать четыре на семь, а на завтрак, обед и ужин белковый йогурт. Вот тебе и здоровый режим.

Смех двух гиен разносится по холлу, смешиваясь с голосами студентов. И уже сейчас я с удовольствием сняла бы наушники и стукнула лбами Нелю и Таню, чтобы услышать громкий «бум», как от церковного колокола, но... Как говорит моя школьная подруга Лана, спокойствие – лучший друг величия. Подождем, может, еще что-то интересное о себе узнаю.

– Только посмотри на нее, – шипит Таня, и я чувствую, как в висок, словно сверло, впивается оценивающий взгляд. – Ну просто школьница на линейке. Юбки еще короче не нашла?

– Ей только бантов и шеста не хватает для полного образа.

– И помада эта...

– Цвет, кстати, ничего, но не для такой подстилки. Думаешь, она ради Быка нарядилась?

– Может быть, – хмыкает Таня. – А прикинь, снова его добиваться будет? Вот это шоу нас ждет.

– Конечно будет, я тебе о чем. Они сто процентов помирятся. Карпова все простит, потому что без Быка она никто. Кому еще она нужна?

И правда. Кому еще? Поднимаю голову и сканирую окружающих. Прыщавые первокурсники, пузатые преподаватели, друзья Ромы, компьютерные гении с жидкими усиками. Все не то, нужна свежая кровь. Взгляд, минуя лица, останавливается на ягодицах, обтянутых светло-серой тканью брюк. Неплохо. Поднимаюсь выше: широкая спина под белой тканью рубашки, гордая осанка, идеально ровная окантовка темных волос на затылке, а на макушке аккуратно уложенная густая копна. Очень даже неплохо. Отталкиваюсь ладонями от подоконника и шагаю прямиком к цели, молясь про себя – *пожалуйста, только не монобровь, только не монобровь*. Каблуки отстукивают резвый сердечный ритм, от волнения приятно кружится голова. Давненько я не творила ничего подобного.

Останавливаюсь рядом с парнем, приподнимая грудь на глубоком вдохе, и снимаю наушники. Сквозь душный воздух холла пробивается пряный аромат дорогого парфюма. Еще один вдох, чувствую нотки мускатного ореха, сладкого рома

и кедровой древесины, которые согревают нос и горло. Знаю эту парфюмерную воду – «Kilian». Слишком благородно для простого студента, но определенно впечатляет. Нежно касаюсь плеча незнакомца, и он оборачивается, едва не сбивая меня с ног. Никогда еще я не видела таких зеленых глаз. Может быть, это линзы?

«Слишком долго, Катя! Ты его пугаешь!» – ворчит внутренний редактор.

Легонько надавливаю на плечо парня, скромно улыбаясь. Настороженность отпечатывается на его лице, но он подчиняется и разворачивается.

– Мне нужна помощь. Точнее, небольшая услуга.

Темные брови, которых, к счастью, две, немного приподнимаются. Парень озадачен, но если не вырывается и не орет, будем считать, что это согласие.

– Можешь сделать вид, что мы знакомы, и немного пофлиртовать со мной? – смело спрашиваю я.

На размышление у него уходит всего один хлопок ресниц. Секунда, и передо мной уже совсем другой человек. Лукавая ухмылка, цепкий взгляд, который медленно скользит вниз и так же медленно возвращается обратно к моим глазам:

– Парня дрессируешь?

Закатываюсь смехом, хлопая его по плечу, будто мы и впрямь знакомы сто лет, и сокращаю дистанцию:

– Нет. Двух злобных сестер Золушки. Им будет полезно утереться.

– Значит, ты Золушка? А кто тогда я? Прекрасный принц?

Его голос чарует, низкий и чистый, со скрытыми нотками веселья и каплей раздраженной усталости. Напрягаю пальцы на крепком плече, дыхание тяжелеет. Интересный экземпляр. Странно, что я не замечала его раньше. Хотя как я могла? Последний год для меня существовал только Рома, и никого больше.

– Я точно тыква, а вот... кто ты? – отвечаю, прищурившись. – Пока не знаю.

Он бегло смотрит мне за спину и произносит с удивительным безразличием:

– Кажется, я понял, для кого концерт.

– Как они выглядят?

– Думаю, тебе бы понравилось.

– Тогда пора заканчивать. Готов к овациям?

Приподнимаюсь на носки, потому что даже на каблуках я ниже незнакомца почти на голову, и осторожно, чтобы не оставить след от помады, касаюсь губами его гладкой щеки.

– Спасибо, что не послал, – шепчу ему на ухо и бегло направляюсь к лестнице, что ведет к учебным аудиториям.

Между лопатками ощутимо покалывает, колени дрожат, а это значит, он точно смотрит мне вслед. Надеюсь, без проклятий, их и так хватает. Вливаюсь в толпу студентов, спешащих на первую пару, а в мыслях крутится сцена для новой рукописи, потому что предыдущую давно пора заканчивать. Как бы тяжело это ни было.

Миная длинный коридор, вхожу в аудиторию и вяло здороваюсь с одноклассниками, которые, как и большинство учащихся, еще не осознали, что лето уже закончилось. Наташа, Ира и Ника принимаются шептаться, Толик и Вова осматривают меня и многозначительно улыбаются друг другу. Все уже в курсе? Ну еще бы. Что может быть интереснее чужой романтической драмы?

Занимаю заднюю парту и надеваю наушники. Ленивые лучи солнца падают на деревянную столешницу, покрытую лаком. Деревья за окном качают длинными ветками, часть листвы на которых уже тронута желтой кистью осени. Это только третий день учебы, а все уже покатило по наклонной. Я так надеялась, что мы с Ромой справимся. Мы столько всего пережили вместе, но его заносчивость и пофигизм меня убивают. Это действительно конец, я больше не могу. Никакие секретные планы и продуманные шаги уже не спасают. Воплощенные в жизнь книжные каноны разбились на мелкие осколки от удара о тяжелую реальность, и теперь они навсегда останутся колючим напоминанием в сердце, что плохие парни хороши только в романах.

Пары тянутся одна за другой, никаких послаблений и жалости от преподавателей на втором курсе ждать не приходится. Лекции и конспекты отвлекают от печальных мыслей, и я в очередной раз благодарю отца за то, что он разрешил мне поступить на филолога. Если бы вместо философии языка я изучала международное право, то точно сошла бы с ума или

забила себя до смерти судьейским молоточком.

Последним в расписании на сегодня стоит практическое занятие по информационным технологиям, и вся группа мысленно молится о том, чтобы нас отпустили, ведь лекции еще не было. В аудитории шумят старые системные блоки, преподавательский стол пуст. Рассаживаемся за длинные парты по пять человек и в нетерпении смотрим на дверь.

– Все, валим! – громко объявляет Вова, вскакивая с места.

– Пять минут всего прошло, – строго говорит староста Ульяна.

– И что? Вы вообще видели, кто ведет эту пару? Дорохов какой-то, первый раз о нем слышу. Может, его не существует?

– Нормальная у тебя логика, Вов, – саркастично бросаю я. – Если ты чего-то не видел, то этого нет? Тогда как насчет твоего мозга? Его ты тоже не видел.

Ребята смеются, а Вова недовольно морщится:

– Карпова, тебя если мужик бросил, не обязательно срываться на всех вокруг. Мы вашей чистой и искренней любви тоже не видели, только эротические шоу по всему универу. Вывод можешь сама сделать.

На этот раз одноклассники смеются еще громче, и я сжимаю руки, лежащие на коленях, в кулаки. Качаю головой и уже собираюсь покрыть Вову трехэтажным матом, но вдруг дверь в аудиторию открывается. Мгновенно остываю, лоя каждый шаг прибывшего. А он что здесь забыл?

– Здравствуйте! – Мой утренний принц опускает планшет в кожаном черном чехле на преподавательский стол. – Меня зовут Дарий Викторович, я буду вести у вас практику по информационным технологиям.

Что за бред? Он слишком молод. Сохраняю ледяное спокойствие, чтобы не привлекать лишнего внимания, а сама усиленно думаю. Если он препод, то что было утром? Может, я ему понравилась? Или он согласился помочь из добрых побуждений? Черт! Я ведь поцеловала его. Будут проблемы? Меня исключат? Его уволят?!

«Катя, мы не в романе!» – слышу далекий голос Ланы из воспоминаний, который быстро приводит в чувство и не позволяет открыть рот внутреннему редактору.

Тихонько выдыхаю, мысли проясняются. Точно, не в романе. Ничего суперстрашного не случилось. Подумаешь, милая беседа и поцелуй в щеку. Ерунда! Нужно вести себя как обычно, и все скоро забудется. Дарий Викторович садится за стол и раскрывает планшет. Пробегает по лицам, а когда доходит до моего, то слегка приподнимает уголок губ и поспешно переходит к следующему. Ну и что это? Я его смущаю?

– Кто у вас староста? – спрашивает Дарий Викторович.

– Я! – гордо выкрикивает Ульяна.

– Фамилия?

– Лапкина.

– Хорошо, – ровным тоном отвечает он, делая пометку

в планшете. – Проведем переключку, краткий ввод в систему наших занятий, и я вас отпущу. Лекции же еще не было. Верно?

– Нет, не было! – радостно басит Вова.

Уже через пятнадцать минут я готова признать, что Дарий Викторович станет одним из моих любимых преподавателей. И не только потому, что у него отличная задница и симпатичная мордашка, его манера общения моментально располагает. Он говорит уверенно и добродушно, открыт и совсем не высокомерен, как те старые пердуны, которые с первых секунд хотят унижить студентов и самоутвердиться за их счет.

– На этом все, – объявляет Дарий Викторович. – Вы свободны.

Ребята встают из-за парт, и я вместе с ними. Закидываю сумку на плечо, поправляю край плиссированной юбки в клетку и шагаю к двери. Вова подрезает меня, выскакивая в коридор первым, и оборачивается, победно улыбаясь. Показываю ему средний палец, злобно оскалившись, и слышу за спиной строгий голос преподавателя:

– Карпова, задержитесь на пару минут.

Вова, глумливо хмыкнув, уносится прочь, а я отступаю от двери, пропуская оставшихся одnogруппников. Неужели Дарий Викторович собирается читать мне нотацию о неподобающем поведении? Мы что, в детском саду? Медленно оборачиваюсь, в аудитории повисает напряженная тишина. Дарий

Викторович не спешит начинать разговор, вместо этого он упирается локтем в стол и прижимает пальцы к виску, беззастенчиво меня рассматривая. Не чувствую от него мужской заинтересованности, и все-таки взгляд слишком пристальный и вместе с этим физически ощутимый.

– Мне покружиться? – спрашиваю я, взмахивая пальцем в воздухе.

Дарий приподнимает темную бровь, и я тяжело вздыхаю, на мгновение прикрыв глаза. Догадываюсь, что ему нужно. Это нетрудно.

– Если ты хочешь поговорить о том, что случилось утром, то...

– Если *вы* хотите, – перебивает Дарий, выделяя интонацией вежливое обращение.

– Окей, – медленно произношу я, немного растерявшись. – Если вы, Дарий Викторович, переживаете...

– Не вижу повода для переживаний, Екатерина.

А можно обратно принца-очаровашку? Он нравился мне больше. Приподнимаю подбородок и отвечаю, подражая повелительному тону Дария:

– Екатерина Сергеевна.

Дарий сдержанно улыбается, его глаза сияют ярче.

– Извинитесь, Екатерина Сергеевна, и можете быть свободны.

– Что сделать? – пораженно усмехаюсь я.

– Извинитесь, – спокойно повторяет он.

С пониманием киваю. Вот, значит, как? Теперь он вошел в роль старого пердуна и пользуется своим положением? Что-то я не припомню, как заставила его помочь мне силой или шантажом. Я попросила, он согласился. Так за что, интересно, я должна извиняться?

– Мне жаль... – произношу я, с вызовом глядя на Дария, и выдерживаю недолгую паузу, – если вы думаете, что заслуживаете извинений.

Разворачиваюсь и заносу ногу над полом для первого шага, но в затылок летит громкое и волнующее:

– Катя!

Стук каблука прокатывается по аудитории, и я нехотя оборачиваюсь.

– Что-то еще, Дарий Викторович?

Он встает и, прихватив планшет, направляется к двери. Запрокидываю голову, встречая его лицом к лицу. Здравый смысл умоляет остановиться, но я уже давно не знаю, где мой тормоз.

– Что ты делаешь? – с легким недовольством спрашивает Дарий.

– А на что похоже?

– Я не встречаюсь со студентками.

– Сочувствую. Вы многое упускаете.

– Весело тебе, да?

– А тебе? Ой! Я хотела сказать – *вам*. Исправлюсь. Честное слово.

Дарий хватает меня за блузку на плече, оттягивает ее в сторону, заставляя отступить, и выходит из аудитории. Слабак! Уже собираюсь шагнуть следом, но неожиданно перед носом закрывается дверь. Ошарашенно хлопаю ресницами и хватаюсь за дверную ручку, но в этот же момент щелкает замок. Он запер меня? Серьезно?!

– Теперь и мне, – слышу насмешливый голос Дария из коридора.

– Открой дверь! – грозно произношу я.

– Конечно. Но сначала я хочу услышать извинения.

– Мне не за что извиняться!

– Тогда посиди там и подумай о своем поведении.

– Я закричу.

– Сколько угодно, – беспечно отвечает он. – Вот как все будет, Катюш. Сейчас я поеду домой, а ключи от аудитории оставлю у себя. В лучшем случае тебя выпустят ближе к вечеру, если найдут запасные, в худшем – придется ждать меня до утра. Ты, конечно, можешь попробовать связать из одежды трос, но, боюсь, твоих вещей маловато для спуска с третьего этажа.

Перевариваю ласковый и снисходительный тон, каким обычно общаются с непослушными детьми, и подхожу к двери вплотную, впечатленная выходкой нового преподавателя.

– Да вы породистая сволочь, Дарий Викторович.

– Спасибо. Итак, извинения.

– Откройте дверь, хочу смотреть вам в глаза.

– Твоя просьба не вызывает доверия.

– Хотите, чтобы я не только извинилась, но еще и поклялась?

– Было бы неплохо.

– Вы перегибаете, – цежу сквозь зубы.

– Разве? – усмехается он, и раздается тихий щелчок.

Дверь открывается, и я делаю уверенный шаг вперед, задирая нос. Дарий смотрит на меня в упор, сохраняя непринужденную уверенность. Любит извинения, значит? Дело принципа или природа неограниченным запасом вредности наградила? В любом случае пора заканчивать. У меня нет сил на разработку нового плана, пусть и пространства для книжного маневра более чем предостаточно. Внутренний редактор молчит, а это значит, Дарию повезло. В противном случае он не дожил бы до следующей весны.

– Приношу свои искренние извинения за тот неловкий случай, Дарий Викторович. Больше такого не повторится.

– Рад это слышать, Екатерина Сергеевна. Видите, быть воспитанной совсем не трудно. Не смею вас больше задерживать. Всего доброго.

– И вам, – отмахиваюсь я.

Бреду по коридору, глядя под ноги, и мечтаю поскорее оказаться дома. Подальше от сплетен, слухов и болезненных напоминаний о том, что я потеряла. Концентрируюсь на дыхании, сдерживая эмоции, адреналин стихает, а минутная вспышка жизненных сил развеивается без следа, уступая ме-

сто печали. Нет ничего хорошего в расставании с тем, кого любишь, даже если он король козлов. И не важно, первый это разрыв или десятый, боль с каждым разом лишь увеличивается в размерах. Я держалась весь день, но даже у моей стойкости есть предел.

Перед глазами появляются две пары женской обуви: белые застиранные конверсы и бордовые лоферы с пыльными носками. Останавливаюсь и поднимаю голову. А им-то что нужно? Тоже мое чистосердечное? Неля презрительно кривится, ее осветленные тонкие волосы торчат на макушке, обеспечивая постоянную связь с космосом, а Таня воинственно хмурится, складывая руки на внушительного размера груди. Борисова и Жаркова стоят плечом к плечу, четко давая понять, что дальше путь закрыт.

– Карпова, тебе не надоело? – выплевывает Таня, потряхнув темной косой челкой. – Быков бросил, так ты уже под другого стелешься?

– Все-то вы знаете, девчонки, – устало ухмыляюсь я. – Ничего от вас не скроешь.

– Не лезь к Дорохову! – заявляет Неля с назревающей истерикой в голосе.

Да ладно? Неужели, даже выстрелив наугад, я попала точно в цель?

– А вы ему кто, правая и левая рука? Поэтому такие обиженные?

– Заткнись! Мы предупреждаем один раз.

Что-то мне это напоминает. Ах да, разговор годовалой давности, только на панике была Таня, а яблоком раздора – Рома. Ничему девочек жизнь не учит.

– Я все еще не услышала существенных аргументов. А если их нет, то... – Шагаю в сторону, собираясь двинуться дальше, но получаю увесистый тычок в плечо от Нели.

– Он мой! Как тебе такой аргумент?!

А вот это зря. В мыслях мгновенно всплывает фраза Дария о том, что он не встречается со студентками. И если уж выбирать, кому верить, то, пожалуй, я остановлюсь на более-менее вменяемом и взрослом человеке, а не истеричной третьекурснице.

– Не очень-то впечатляет, – беспечно бросаю я. – Дарий не говорил мне, что у него есть девушка.

Неля распахивает глаза шире и свирепо вздыхает. Еще немного, и пуговица на ее джинсах отлетит, пробив меня насквозь.

– Скоро будет, – взбешенно рычит она.

Таня ободряюще сжимает плечо подруги, а внутренний редактор хихикает.

«Да у нас тут безответная любовь. Несите ведро для слез».

Сердечный ритм ускоряется, кровь быстрее бежит по венам и ударяет в голову. Яд печет губы, и я смотрю на двух гиен, которым пора утереть нос еще разок, раз уж с первого до них не дошло.

– Да, Неля, – воодушевленно соглашаюсь, не скрывая очевидной насмешки, – я тоже так думаю. Только вряд ли это место займешь ты.

Таня устрашающе наклоняется вперед:

– Карпова, иди лучше Быка в задницу целуй, потому что кроме него...

– Бла-бла-бла, – кривляюсь я. – Что мы все обо мне да обо мне, давайте лучше обсудим шансы Нели. Сколько ты бегаешь за Дарием? Год? Два?

– Пошла ты! – выпаливает она, потеряв контроль. – Мы все знаем, почему Быков выбрал тебя, но даже не думай, что это сработает с Дороховым. Он тебе не по зубам!

Атмосфера накаляется, эмоции бурлят в теле, точно кипящая лава. Видит Бог, я этого не хотела, но раз уж мне бросили вызов...

– Он будет моим через два месяца, – уверенно заявляю я.

– Мечтай!

– Мечты по твоей части, Неля. Я действую и всегда добиваюсь своего.

– Этого никогда не случится, – с холодной злостью отвечает Таня.

– У вас билеты в первый ряд, девочки. Наслаждайтесь!

Толкаю парочку дур, будто двери бара на Диком Западе, и спешу к выходу из учебного корпуса. Стягиваю с волос резинку, кудряшки рассыпаются по плечам и падают на лицо, чтобы стать завесой для слез, которые уже на подходе. Сбе-

гаю по ступеням в объятия осеннего тепла, каждый шаг делит чувства пополам. Совсем недавно я вот так же летела к любимому, который ждал меня возле крайней скамейки под высоким кленом. Были только он и я, а все остальное казалось слишком мелким, чтобы париться. Наши поцелуи со вкусом сигаретного дыма и ментоловой жвачки вспоминаются как глоток яда из золотого кубка несбывшихся надежд. Сажусь на злополучную скамейку и скидываю туфли, достаю из сумки пачку сигарет и кручу ее в пальцах. Солнечные лучи разлиты пятнами света на серой тротуарной плитке, легкий ветер играет с волосами. Где же я все-таки облажалась? Что сделала не так?

Прошел год с нашей первой встречи с Ромой, но я помню каждую мелочь. Какой я была, о чем мечтала, каким был он, или точнее, каким я его видела. Все началось второго сентября. Ясное небо, теплое солнце, волнение от первого учебного дня в незнакомом, но таком многообещающем месте. Шелковое темно-синее платье развевалось на ветру, сумка, набитая тетрадями, болталась на плече, а в руках я держала любовный роман с обожаемым мною сюжетом – от ненависти до любви. Я прижимала книгу к груди и смотрела на парадные двери университета, мечтая, чтобы у меня было так же, как на этих хрустящих белых страницах. Героиня замечает героя в компании друзей, он очарователен и красив, а она мила и застенчива. Один взгляд, пара нелепых запоминающихся встреч, случайный поцелуй, головокружительные

чувства, эмоциональные качели и... долгожданное «долго и счастливо». Я заметила Рому спустя пару минут в окружении парней и нескольких девчонок. Одна из них, которую я позже окрестила дурой номер один по имени Таня, нежно прижималась к Роме, но он словно не замечал ее, полностью погруженный в беседу с друзьями. Его темно-русые, слегка волнистые волосы блестели на солнце, улыбка казалась ярче, чем небесное светило, а надменный взгляд заставил сердце на мгновение остановиться.

Герой был определен, оставалось лишь стать его героиней, повторив семь простых шагов. Их я придумала еще в школе при помощи книжных канонов и благополучно опробовала на деле, заручившись поддержкой лучшей подруги. Лана и Елисей до сих пор вместе, даже поступили в один университет. Их союз, начавшийся как безумный эксперимент, придавал сил и уверенности. Если у них получилось, то и у меня должно, но нельзя было пренебречь подготовкой. Пара недель слезки убедили в том, что я не ошиблась. Рома Быков был обворожительным засранцем из обеспеченной семьи, третьекурсник, приходящий на учебу, только чтобы покрасоваться. Девчонок менял регулярно, особой разборчивостью не отличался, лишь бы мозгов и одежды поменьше. Еще он обожал тусовки и крепкий алкоголь, азартные игры и водить машину в нетрезвом виде. В целом идеальный плохиш, будто бы созданный для меня и моего коварного плана.

Терпение – не мой конек, поэтому первые три шага, кото-

рые представляют из себя случайные (в нашем случае четко спланированные) встречи для знакомства и сближения, про-вернула за одну неделю. Для начала упала с лестницы. Прямо на Рому. Ударилась головой, выбила два пальца, поцарапа-ла его телефон, но все сработало как надо. Рома попался на крючок и с того дня никогда не пропускал мой взгляд. Еще бы, такое забудешь. После мы столкнулись на спортивной площадке во время физкультуры, где я очень удачно заря-дила волейбольным мячом Роме по лбу. Кто бы знал, сколь-ко часов отрабатывался этот чертов удар. Потом был клуб, в VIP-зал которого пришлось почти проползти. Мне до сих пор хочется сжечь то развратное платье, но я храню его как память, потому что... Рома подошел ко мне сам. Мы дол-го сидели за баром, я смущалась и извинялась за все, что произошло, а он улыбался, ощущая себя королем. Наш пер-вый танец был до безумия прекрасен, объятия Ромы обжи-гали, а глаза кричали о зарождающихся чувствах. Тем же ве-чером я перешла к четвертому шагу – спасение. Выпила по-ловину бара и прилегла отдохнуть, облокотившись о колесо машины, припаркованной у клуба. Машины Ромы, разуме-ется. Он не подвел и еще плотнее заглотив крючок. Отвез меня к себе, позаботился, и за следующие пару дней мы за-крыли последние шаги: свидание, раскрытие тайн, поцелуй. Ну и еще несколько дополнительных, которые встречаются в книгах с маркировкой «восемнадцать плюс». Через неделю я стала официальной девушкой Романа Быкова, на Новый год

он признался мне в любви, а весной мы съехались. Казалось бы, вот он, тот самый счастливый конец, но...

– Угостишь сигареткой? – слышу рядом знакомый голос.

Протягиваю пачку, совесть давит на затылок.

– И зажигалку.

Передаю зажигалку, раздается звонкий удар пластика о металл. Следом в урну летит смятая пачка сигарет, и на скамейку садится тот, от кого я не рассчитывала больше услышать и слова.

– Кать, почему ты мне не позвонила?

– А ты бы ответил?

– Не с первого раза, но... ответил бы. Ты же знаешь...

– Знаю, – тихо произношу я и опускаю голову на плечо друга.

– Как ты? – ласково спрашивает Тоша.

– Ужасно, – отвечаю честно.

– Ты правда ему бутылку о башку разбила?

– И такая версия есть? – горько смеюсь я.

– Ага, моя любимая. Но я не против услышать и оригинал.

– Он не такой интересный.

– И все-таки...

Закусываю нижнюю губу, еле сдерживая слезы. Тоша опускает ладонь мне на макушку и гладит по волосам:

– Сколько ты еще продержишься? До меня успеем доехать?

– Лучше ко мне.

Глава 2

Открываю холодильник и осматриваю полупустые стеклянные полки в надежде отыскать забытый кусочек «Камамбера». Сыр с плесенью ведь не может испортиться, верно? Выуживаю из нижнего ящика заветный сверток, вдобавок нахожу упаковку крабовых палочек и половинку лимона. Две бутылки вермута, стоящие на дверце, обещают скорое расслабление, и я хватаю добычу, из последних сил игнорируя огромную черную дыру в груди.

– Из безалкогольного, я так понимаю, только вода? – спрашивает Тоша. – Я вообще-то за рулем.

Морщу лоб, жалостливо выгибая брови.

– Ладно. Оставлю машину здесь, утром заберу.

Он шагает к шкафу с посудой, рыжие кудряшки пружинят при каждом движении, а мешковатая одежда скрывает хрупкую фигуру. Без ботинок на платформе он почти одного роста со мной. Помню, когда впервые его увидела, подумала, что смотрю в зеркало. Мы с Тошей похожи на разлученных в детстве близнецов, на этой почве и подружились. Правда, в искренность нашей дружбы верят не все.

– У тебя тут как в хлеву, – бурчит он.

Обвожу взглядом привычный беспорядок. В раковине армия грязных кружек и стаканов, на столе стопка книг, тетрадей и блокнотов, на стульях висит мятая одежда, на под-

оконнике разбросана косметика вперемешку с использованными ватными дисками. В хлеву, значит? Это он еще спальню не видел.

– Меня почти два месяца здесь не было.

– А если бы была, то все выглядело бы еще хуже, – иронично бросает Тоша и тянется к верхней полке.

– Верно, – вздыхаю я и принимаюсь расчищать место на столе.

Усаживаемся друг напротив друга. Тоша разливает сыворотку правды и обезболивающее в одном флаконе по бокалам. Крупные теплые капли скользят по моим щекам. Больше нет смысла сдерживаться, да и сил тоже.

– Прости меня, – произношу тихо. – Ты был прав. Во всем прав, а я...

– Кать, вот этого не надо, ладно? Я же знаю, что он поставил тебя перед выбором, а ты знаешь, как это его характеризует, – с теплотой говорит Тоша.

– Да, но я ведь выбрала его. И это уже характеризует меня как безмозглую идиотку.

Тоша морщит аккуратный нос, усыпанный веснушками, и мотает головой:

– Прекращай! Смысл дружеских посиделок в том, чтобы обсуждать того, кого нет. Давай выкладывай, что стряслось на этот раз?

Холодное стекло обжигает пальцы, делаю первый большой глоток и крепко зажмуриваюсь от резкого насыщенного

вкуса горных трав и белого винограда. Понятия не имею, за какие заслуги мне в друзья досталось это рыжее понимающее чудо, но сейчас я готова благодарить всех богов на свете за то, что он рядом. За то, что даже после всего он от меня не отказался.

– Ничего нового, – нервно усмехаюсь я и вытираю тыльной стороной ладони слезы, капающие с подбородка. – Я поймала веселого Ромашку с очередной девицей на коленях, а в ответ услышала банальное: «Ты все не так поняла, я могу объяснить».

– И как? Объяснил?

– О-о-о да! Сказал, что перепутал ее со мной. Она была коротко стриженной блондинкой, если что. Я довольно жестко отправила Рому к окулисту, а он послал меня в ад. На этом и разошлись.

– Это ведь не все, верно? – пытливо прищуривается Тоша. – Рома был *не просто* пьян, и вы *не просто* послали друг друга.

Отворачиваюсь, прижимая бокал к горячей мокрой щеке. Сердце болезненно вздрагивает, а запястья ноют, словно их сжимают грубые пальцы.

– Ясно, – с тихой печалью и царапающим душу сочувствием произносит Тоша.

– Это конец. Я больше к нему не вернусь. Не смогу.

Друг тяжело вздыхает и болтает напитком в бокале:

– Я уже слышал это. Раза три или даже четыре. Самое иди-

отское, Кать, что вы оба зависимы. Рома – от этой дряни, а ты – от него.

Колючая правда оплетает шею ветвью дикой розы, шипы вонзаются в кожу, но сладкий цветочный запах дарит короткое ощущение эйфории.

– Я ведь люблю его, – выдавливаю сквозь жалобный всхлип и тут же запиваю горечь обиды.

– Да, я знаю. Только что в этом хорошего, Кать? Разве все происходящее того стоит?

В воспоминаниях проносятся милые моменты. Утренние сонные объятия, беготня голышом по квартире, завывание старых песен в пустом сквере, стоя на скамейке с бутылкой джина в руке. Страстные серо-голубые глаза, хриплый шепот – «люблю тебя», разговоры по душам на заднем сиденье машины, совместные планы на будущее. Каждое из этих воспоминаний прибито к сердцу прочными скобами строительного степлера. Их нельзя вытащить, не поранившись.

– Он тоже меня любит. Правда. Очень любит.

– И все? Думаешь, этого достаточно? – спрашивает Тоша без упрека, лишь с нежной осторожностью и мягким светом, которым старается вывести меня из лабиринта заблуждений.

– Думала, что да, – кисло хмыкаю я и делаю еще несколько внушительных глотков. – Любовь побеждает все, так пишут.

– В жизни все немного сложнее.

– Это я уже поняла.

– Кать, тебе нужно это пережить, и тогда...

– Мне нужно отвлечься, – перебиваю я, хватая бутылку, и наливаю себе еще.

– Что ты имеешь в виду? – настороженно спрашивает Тоша.

– То, что у меня уже есть новый план.

– Я об этом пожалею, но... что за план?

Быстро пересказываю события сегодняшнего дня. Встреча с принцем, оказавшимся преподавателем, спор с Таней и Нелей. Тоша молча слушает, и с каждой секундой его глаза раскрываются все шире и шире.

– Ты ведь это не серьезно? – подрагивающим от возмущения голосом спрашивает Тоша.

– Более чем.

– Нет! Я против! – жестко заявляет он. – Кать, пора уже остановиться и попробовать что-то нормальное. Ты же видишь, что эти книжные игры не работают так, как тебе бы хотелось. Не обижайся, но это похоже на помешательство. Только вдумайся, ты влюбила в себя самого отбитого типа нашего универа и страдаешь из-за него, потому что хотела почувствовать себя героиней романа! А теперь, чтобы не выпадать из образа, поспорила на препода с двумя стервами и собираешься охмурить и его! Да ты даже в друзья себе выбрала... меня!

– Я не знала, что...

– У меня в руках был чертов «Грозовой перевал»! Первые пять минут мы обсуждали творчество Эмили и Шарлотты

Бронте, а после переключились на Анну Тодд!

– И что? Как это связано?

– Да в общем-то никак, но... факт остается фактом. Ты снова впихнула в свою жизнь книжный шаблон.

Сердце в мгновение схлопывается, превращаясь в тонкий бумажный лист. Сгибается пополам, еще раз и еще. Каждый сгиб приносит острую боль, что выливается слезами, и в конечном итоге остается лишь мятый шарик, звенящий агонией под ребрами.

– И что?! – вскипаю я. – Что тут такого?! Да, я хочу быть героиней романа! Да, хочу быть писателем! Да, мать твою, я собираюсь в еще одно сумасшедшее приключение, которое может обернуться очередным армагеддоном, потому что... если я этого не сделаю, то вернусь к РOME! Если меня ничего не будет держать, я снова... – Замолкаю, потому что рыдания утягивают на дно отчаяния.

– Кать, – с нежностью зовет Тоша.

– Я правда люблю его, понимаешь? Стоит ему прийти и сказать, что все изменится, я поверю. Это сейчас все просто. Сижу здесь и рассказываю, какой он козел, но рядом с ним... – Прикладываю пальцы к вискам и растопырываю их, изображая взрыв: – Пуф! Мозг отключается.

– Я мог бы запереть тебя. Буду приносить еду и задания из универа, а через пару месяцев, когда ломка отпустит, выпущу. Ты как раз за это время сможешь наконец-то закончить рукопись.

– Неплохой вариант, но... – Запрокидываю голову и пытаюсь проморгаться. – Не думаю, что сработает. Боже, ну когда уже станет легче, а?

Тоша в несколько глотков опустошает стакан и вновь его наполняет, не забыв обо мне. Повисает напряженное молчание, но не надолго.

– Так, ладно, – вздыхает Тоша. – И кто у нас новая цель?

Слабая улыбка растягивает пересохшие губы, и я вспоминаю отпадную задницу, спрятанную за серой тканью брюк.

– Дорохов Дарий Викторович, – неторопливо озвучиваю я.

– Твою мать, Катя! А на президента чего не замахнулась?!

– Да он как бы староват. Так ты его знаешь?

– Кого, президента? Конечно! Номерок дать?

– Нет! – хрипло смеюсь я. – Дорохова ты знаешь?

– Немного. Он вел у нас информатику в прошлом году. Хороший мужик. Вежливый, понимающий, с чувством юмора и приятной наружностью.

– Приятной?

– Не в моем вкусе, но он и правда неплох.

– Это точно, – задумчиво отвечаю я.

– Кать, ему лет тридцать. Может, чуть меньше. Он не купится на твои гениальные шаги, даже если ты спустишься к нему с неба на парашюте в форме сердца.

– Это понятно. – Я хватаю салфетку и вытираю нос, немного успокоившись. – Мои шаги рассчитаны на молодых

мажоров и сломленных плохишей, а для взрослых и уверенных мужиков нужно что-то покруче.

– Идеи есть?

Указываю на стопку книг и отвечаю почти радостно:

– Полно!

– Кто бы сомневался, – бурчит Тоша.

– А что такого? Кто-то же это все придумал. Остается перечитать пару романов о преподавателях и студентках и выбрать подходящие сценарии, но сначала – сбор информации об объекте. Нужно узнать, кто он, какой типаж. Как живет, чем дышит, кто ему нравится, чего боится. Я уже поняла, что Дарий принципиально не встречается со студентками, любит извинения и сто процентов ходит в зал или занимается каким-то спортом. А ты что скажешь?

– Что ты сумасшедшая.

– Давай без очевидностей. По делу.

– Ну-у-у, – тянет Тоша, поднимая взгляд к потолку. – Он еще не совсем препод, а только аспирант. Ездит на белой «Camry», обожает рубашки.

– Это все?

– Кать, если ты уже и так знаешь, что он не встречается со студентками, то...

– Скоро я перестану быть для него только студенткой, – заявляю решительно.

– Это как?

– Еще не придумала, но... – Ударяю краем своего бокала

о бокал Тоши. – Это лишь вопрос времени.

– А тебе и правда полегчало.

Холодок тоски пролетает по кистям рук и поднимается к локтям. Сжимаю пальцы и делаю несколько спасительных глотков. Легче не стало ни капли, но, по крайней мере, теперь мне будет чем заняться, вместо того, чтобы сидеть и жалеть себя.

– Тош, а у тебя как дела? – с искренним интересом спрашиваю я. – Что я пропустила?

– Целую жизнь, – усмехается он.

Первая бутылка вермута улетает незаметно, вторая не заставляет себя долго ждать. За окном стремительно темнеет, прохладный ветер сочится в комнату через приоткрытое окно. Болтаем с Тошей, перемывая косточки знакомым, темы сменяют друг друга так быстро, что мы едва успеваем переключаться, и все равно смеемся до коликов в животе.

– Знаешь, а я ведь и правда достойна большего! – Не рассчитав силу, хлопаю себя по груди и закашливаюсь.

– Конечно! – поддакивает Тоша, смазанно кивая. – Ты достойна лучшего!

– И ты тоже! Ты тоже крутой!

– Да я самый крутой!

– Нужно избавляться от токсичных людей в окружении, они тянут нас на дно!

– Точно! Я не хочу на дно, там темно и холодно!

– Холодно? – хитро усмехаюсь я. – У меня есть чем со-

греться.

Встаю, опираясь на руки, и направляюсь к холодильнику. Открываю морозильную камеру и достаю недопитую бутылку текилы.

– Нет, Катя. Нет! Завтра на учебу!

– Мы не будем пить ее. – Я с громким стуком ставлю бутылку на стол. – Есть идея получше.

– Надеюсь, мы выживем.

– Как знать.

Точно по шатающемуся подвесному мосту шагаю в спальню, распаиваю шкаф и хватаю с нижней полки ворох одежды. Расшвыриваю вещи в стороны, пока не нахожу то, что нужно. Верчу в руках стрейчевую тряпку и презрительно фыркаю.

«Может, не стоит? Мы будем самыми красивыми на панели, если нас вдруг вышвырнут из универа», – язвительно хихикает внутренний редактор.

«Заткнись!» – мысленно отрезаю я и быстро переодеваюсь, чтобы устроить последнее дефиле этому безобразному черному платью.

Возвращаюсь на кухню и обнимаю дверной косяк. Провожу ладонью по стене, сгибая ногу в колене, а Тоша прижимает ладони к лицу.

– Мои глаза! – вопит он. – Глаза-а-а! Помогите! Полиция моды, срочно! У нас тут клинический случай!

Смеюсь до хрипоты, а Тоша все не унимается:

– Это преступление против женщин во всем мире! Что это вообще такое?! Какой извращенец это придумал и какой маньяк сшил?!

– Тащи текилу в ванную, – командую я и стягиваю платье. – Устроим шабаш.

Тоша удивленно приподнимает брови и медленно встает. Усмехаюсь и двигаю плечами, подражая восточным танцовщицам:

– Ну как? Ничего не чувствуешь?

– Кать, если тебе нужен секс, чтобы забыть бывшего, то я, конечно, могу постараться, но...

– Не продолжай, – морщусь я, качая головой. – Пойду надену халат.

Мы с Тошей едва помещаемся в крохотной ванной комнате, из динамика телефона звучит песня о болезненной любви. Друг все еще не понимает, что происходит, а я дрожу от предвкушения. Снимаю с верхней полки пластиковый таз и опускаю его в ванную, бросаю платье и беру коробок спичек с подставки для ароматических свечей.

– Ты жечь его собралась?!

– Давно хотела. Открывай текилу!

– Пластик расплавится, идиотка! – Тоша поднимает таз и вытряхивает из него платье.

– Лей, говорю! – рычу я в нетерпении.

– А мы квартиру не спалим?

– Да плевать, она съемная!

– Дай хоть воды наберу, чтобы потушить, если что, – встревоженно говорит Тоша и включает кран.

Пожарная безопасность соблюдена по максимуму. Тоша стоит с полным тазом воды наготове, а я поливаю платье текилой, подпевая словам песни.

Я падала-падала, выживая.

Я любила тебя так, как не бывает...

Буду одна, Артик и Асти

Зажигаю спичку и замороженно смотрю на пламя. Разжимаю пальцы, задерживая дыхание, и через секунду черная ткань вспыхивает синим огнем. Восторженно визжу и представляю, что сжигаю не просто платье, а свою любовь и боль. Темно-серый дым клубами возносится к потолку, зажимаю пальцами нос, и Тоша выливает воду на обгоревшую тряпицу, которая теперь ничего не значит. Я снова свободна. Снова в поиске идеального героя и счастливого финала.

* * *

Две недели. Две гребаные недели слезки и непрерывного мозгового штурма, а информации о Дарии ноль. Даже с Елисеем не было так сложно. Пусть наш школьный генерал и казался максимально скрытным и неприступным экземпля-

ром, я все равно его прощелкала, а тут... засада со всех сторон! Страницы в соцсетях у Дария закрыты, в друзья абы кого он не добавляет. Даже достоверные фейки, над которыми приходится колдовать несколько дней, набирая подписчиков и выставляя посты, не спасают ситуацию. Пара вылазок после учебы тоже не приносит успеха, машина Дария сильно усложняет процесс слежки. В открытом доступе остаются только пары, которые проходят всего раз в неделю, а это совсем не то. Чтобы снять запрет на отношения со студентками, необходимо закрепиться рядом с Дарием вне университета на нейтральной территории, где мы снова будем незнакомцами. Но как это сделать, если я понятия не имею, где он обитает в свободное от работы время? Черт! Сто раз черт!

Недовольно цокаю языком, глядя в блокнот, в котором расписано все, что удалось узнать о новом объекте. Никакой конкретики, одни догадки и предположения, а значит, придется рискнуть. Достаю телефон и набираю сообщение Тоше.

Катя: «Код – Япошка»

Тоша: «Отсылку к фильму «Такси» я уловил, а вот ее смысл – не очень»

Катя: «Сегодня следим за машиной объекта. У нас сейчас совместная пара, и она последняя в его расписании»

Тоша: «Понял. Тогда я поеду заправлю машину и попытаюсь припарковаться в самой выгодной позиции»

*Катя: «Ты – бог! Знал об этом? *золотое сердце*»*

*Тоша: «Слышал пару раз *подмигивающий смайлик*»*

Убираю телефон и захожу в аудиторию. Место преподавателя пусто, одгруппники тихо переговариваются между собой.

– Я сама видела, как они целовались, – шепчет Ира.

– Ой, как будто в первый раз, – хмыкает Ника. – Это же Быков, он...

Она замолкает, замечая меня. Показываю открытые ладони и произношу, скрывая обиду за язвительностью:

– Да вы продолжайте. В свободной стране живем.

Занимаю дальний компьютерный стол и достаю из сумки тетрадь, игнорируя жгучие взгляды. Беру мобильный и открываю «Поляроид», принимаясь бездумно листать ленту, чтобы спрятаться за прозрачной ширмой. Мелькают яркие фото, вожу пальцем по экрану, но едва могу разобрать лица или надписи. Рома завел себе подружку? Уже?! Не могу сказать, что сильно удивлена, это очень на него похоже. И все-таки надежда на то, что он продержится дольше или что я не узнаю эту новость так скоро, помогала мне засыпать по ночам.

Захожу в личные сообщения, тонкая игла тоски пронзает сердце. Избегать Рому после расставания не составляет труда, я знаю все его привычки и маршруты, но избегать его в мыслях сложнее. Разворачиваю диалог и уговариваю себя

не рубить сторыча, но проигрываю бой раздувшейся обиде. Рома не может так быстро забыть обо мне. Неужели ему настолько плевать? Неужели эти десять месяцев вообще ничего не значат?! Последние несколько сообщений от бывшего пестрят поцелуями и огоньками, в носу щиплет от подступающих слез. Этого больше не повторится? Никогда? Никаких общих шуток, комплиментов и флирта, никаких нежностей... ничего. Насильно вспоминаю последнюю ссору, чтобы сбить приторный вкус приятных воспоминаний, и набираю сообщение, полное холодной ярости, потому что только она заглушает боль.

katrin_special: «Когда тебя не будет дома? Мне нужно забрать вещи»

bigromzon: «че за концерты? можешь забрать их в любое время»

katrin_special: «Концерты закончились, Ром. Цветов не надо. Я просто не хочу видеть тебя и твою новую телку»

Сообщение улетает в чат, сердце подпрыгивает и бьет по горлу. Уже тянусь, чтобы удалить жалкий текст обиженной девочки, но не успеваю, заметив всплывающую надпись – «печатает».

bigromzon: «ревнуешь?»

katrin_special: «Это больше не входит в мои обязанности»

bigromzon: «приезжай вечером я помогу тебе все

упаковать *смайлик – чертик*»

bigromzon: «а домой отвезу утром *подмигивающий смайлик*»

Злость опалает легкие, но быстро угасает из-за происков воображения.

Вот я подхожу к знакомой двери, жму на звонок. Рома открывает мне и втягивает в квартиру, крепко обнимая. Вдыхаю родной аромат «Amazingreen», который с трепетом выбирала в подарок для Ромы на прошлый Новый год. Минеральные ноты щекочут ноздри: кремний, запах мостовой и ружейного пороха. Бунтарский и воинственный парфюм, который так подходит моему идеальному парню. Рома шепчет, что скучал, что любит меня до сих пор, и просит прощения. Скованность отпускает, и ее сменяет расслабленное удовольствие. Все на своих местах. Только я и он. Остальное не важно.

Дрожь пронзает ладони, палец медленно касается экрана, а в мыслях вертится назойливое: «А вдруг все изменится. Вдруг я сошла с дистанции за пару шагов до финала». Рома никогда не умел красиво выражать чувства, но это не значит, что их не было. Возможно, он тоже хочет увидиться, но слишком горд, чтобы просить об этом прямо.

– Добрый день, – разносится по аудитории уверенный громкий голос.

Отрезвляющий выстрел попадает точно в цель, пробуждая разум. Блокирую телефон и кладу его на стол экраном

вниз. Чуть не сорвалась.

– Здравствуйте, Дарий Викторович, – хором произносят несколько ребят во главе с Ульяной.

– Прошу всех сесть за парты. Сегодня вы посмотрите презентацию, которая поможет выполнить практическую работу и получить допуск к экзамену.

Однотруппники поднимаются с мест и стекаются в центр аудитории, где выстроены в ряды несколько длинных парт. Сажусь рядом с Денисом Брониным, цель жизни которого – не мыть волосы как можно дольше. Сейчас это самый безопасный вариант, потому что за год совместной учебы я слышала от него лишь пару вопросов о том, в какой аудитории следующая пара, а значит, никаких пустых и раздражающих разговоров опасаться не придется.

Поднимаю взгляд на Дария, который уже уселся за преподавательский стол. Черная рубашка застегнута на все пуговицы, на щеках ни намек на щетину. Свежий и спокойный, даже, можно сказать, умиротворенный. Его рука находит на столе компьютерную мышь, движения плавные. Слышится несколько тихих щелчков, Дарий смотрит в монитор, черты его лица расслаблены. Он как завораживающая анимация, которая гипнотизирует и разжижает мозг, но только не мой. Для меня Дарий в первую очередь – объект завоевания, а потом уже все остальное.

– Цель вашей работы – создать сайт на любую тематику, смежную с предметами вашего обучения. – Дарий Викторо-

вич внимательно оглядывает присутствующих. – Это может быть группа статей, исследований или литературных произведений. Все, что вам интересно. Главное, чтобы сайт был полезным, функциональным и наполненным. Использование информационных технологий необходимо для любой отрасли, и филологи не исключение. Самый обширный и доступный источник информации сейчас – это интернет, и вы должны уметь им пользоваться.

– А мы уже умеем, – усмехается Вова. – Подпишитесь на меня в «Хайп-Свайп» и сами все увидите.

– Обязательно, – дружелюбно отвечает Дарий. – Еще предложения будут?

– И на меня подпишитесь!

– И на меня!

Дарий Викторович сдержанно улыбается и одобрительно кивает:

– Тогда предложение есть у меня. Сейчас все желающие напишут на листе свои ники в социальных сетях. Пока вы будете смотреть презентацию, я ознакомлюсь с вашими творческими профилями, выберу самый интересный и подпишусь на него. Победитель получит послабление во время защиты итоговой работы. Как вам идея?

Звучат воодушевленные согласные крики, Ульяна достает чистый листок из файла и пускает его по рядам. Не удивлюсь, если в ее рюкзаке есть все необходимое, чтобы собрать ядерный реактор. Не зря ведь ее выбрали старостой не толь-

ко нашей группы, но и всего потока. Дарий довольно наблюдает за происходящим, а я скрытно наблюдаю за ним. Подловил их, как младшеклашек, которым пообещали конфетку за хорошее поведение. Это и правда было неплохо, но мне не слишком уж нравится, что он такой хитровыдуманный. Умные парни не поддаются манипуляциям, а для меня это плохо.

Получаю листок последняя, количество ников впечатляет. Все записались, но я не тороплюсь к ним присоединяться. У меня на странице немало симпатичных фотографий со всех возможных ракурсов, Дарию определенно будет что оценить, и все-таки...

«Нельзя флиртовать с ним до того момента, пока мы не повторим знакомство без ярлыков “преподаватель” и “студентка”, – строго говорит внутренний редактор. – Сейчас он тебя даже не заметит».

«И что тогда делать? Не участвовать?»

«Попробуй выделиться по-другому. Обрати на себя внимание, не используя декольте».

Нахожу среди подписок в «Хайп-Свайп» паблик с чернушными шутками, видео из которого можно отправлять только лучшим друзьям, и понимаю – это оно. Проверим, как у Дария с чувством юмора, и узнаем, есть ли запрещенные темы. Если разозлится, буду точно знать, что он паинька, а если посмеется, то мы с ним определенно сойдемся. Записываю название паблика и передаю листок обратно. Ульяна

относит его Дарию, и на белом экране, висящем на стене, появляется первый кадр с заголовком – «Языки кодирования». Это будет очень долгая пара.

Через шестьдесят минут нуднейшей презентации, озвученной механическим голосом, желание схватить телефон и продолжить переписку с Ромой становится таким сильным, что тяжело усидеть на месте. Стараюсь конспектировать каждый слайд, но не могу спастись от навязчивых мыслей, поэтому приходится прибегнуть к контрмерам, которые еще никогда не подводили – переключиться на обдумывание плана.

Итак, что мы имеем? В синем углу ринга молодой почти преподаватель, красив, вежлив, скромен и принципиален, в красном – уверенная, пробивная, веселая и обворожительная студентка, похудевшая за последние два года на девять с половиной килограмм. Столкнулись в холле университета при забавных обстоятельствах, не зная друг друга, а позже выяснилось, что у них есть совместные пары. Ну разве не канон? Он самый! Конечно, было бы куда веселее, если бы мы случайно переспали, а уже потом встретились на учебе. Это мой любимый сюжетный ход. Такой горячий и страстный, все эти раздевающие взгляды на парах, скрытый флирт, язвительные и пошлые шуточки, бесконечные метания между «хочется» и «нельзя». Ну ничего, мы и до этого доберемся, как только я поймаю Дария вне универа. Хорошо бы сделать это вечером в каком-нибудь клубе или баре. Я мог-

ла бы притвориться больной и попросить у Дария помощи. Один раз он мне уже помог, а значит, согласился бы и на второй. Или, может быть, спортзал? Тоже неплохой вариант. Всего-то нужно уронить гантель ему на ногу, и дело в шляпе. После я ухаживала бы за ним, пока не сняли гипс, чтобы загладить вину и показать раскаяние во всей красе. Варила бы рисовую кашу, как в аниме, и Дарий проникся бы теплыми чувствами. *«Обо мне еще никто так не заботился, как ты. Остаься со мной навсегда».* Это очень мило, обожаю такие моменты. А что, если он любитель искусства? Опера или балет? Это была бы красивая встреча. Широкая лестница с золотыми перилами, ступени, устланные мягким ковром. Дарий обернулся бы у подножия и заметил меня, потеряв дар речи. Я медленно спустилась бы и спросила, понравилась ли ему постановка. Потом ресторан, несколько бокалов вина, ночь, легкое головокружение от душевной беседы и романтический поцелуй в желтом свете фонаря. Классика!

Перевожу взгляд на Дария, внимание которого сосредоточено на планшете. Кто же он такой? Какой из сценариев подходит лучше всего? Я совсем его не знаю и не понимаю, мне даже не от чего оттолкнуться, кроме как... *«Я не встречаюсь со студентками».* Почему? Уже был неудачный опыт? Большая любовь? Она бросила его, разбила сердце? Сложно, очень сложно. Нет никаких четких исходных данных. Замечаю, как темные брови Дария вздрагивают, и он проводит пальцем по экрану планшета. Второй раз, третий. Плот-

но сжимает губы и едва заметно ерзает на стуле. Спина затекла или все дело в развлекательном контенте? Дарий медленно поднимает голову, его глаза безошибочно находят мои.

«Ты серьезно?» – читаю его немой вопрос.

Пожимаю плечами, скромно улыбаясь. Он не раздражен, но и не весел. Держится все в том же амплуа снисходительного взрослого. Не прокатило! Еще несколько секунд смотрим друг на друга, пламя азарта разгорается все ярче. Ловлю себя на мысли, что хочу заставить его искренне рассмеяться, а еще увидеть жгучее желание в этих зеленых глазах. Хочу победить! Легкая вибрация ударяет по рукам, лежащим на парте, и я опускаю голову, читая сообщение.

Тоша: «Стою напротив киоска, слева от выезда»

Катя: «Принято»

Быстрым шагом пересекаю парковку, попутно завязывая волосы в тугий пучок. Распахиваю заднюю дверь черной «Mitsubishi» и запрыгиваю в салон.

– Хвоста нет? – усмехается Тоша.

– Нет, – серьезно отвечаю я. – Объект задержан толпой баранов, которые хотят, чтобы он на них подписался.

– Чего?

Бегло рассказываю Тоше о методах Дария по сохранению дисциплины. Кажется, друг впечатлен.

– И ты проиграла? – спрашивает он.

– Я и не старалась победить. Мне нужно выделиться, а не стоять в ряду с другими студентами.

– Ну коне-е-ечно, – тянет Тоша и заводит машину. – Ты ведь помнишь, что я не профессиональный гонщик?

– С нашими пробками скорость – не главное.

– А что тогда?

– Чтобы он нас не заметил.

Внимательно слежу за белой «Самгу», сильно не высовываясь из-за спинки переднего пассажирского кресла, и уже через пару минут Дарий вальяжно подходит к машине и садится за руль. Тоша шумно вздыхает, и я ловлю его взгляд в зеркале заднего вида.

– Ты чокнутая! – весело говорит он, потряхнув рыжими кудряшками.

– Я знаю! Поехали!

Тоша жмет на газ, и мы покидаем университетскую парковку, выезжая на оживленную дорогу. Пять минут спустя становится понятно – автослужба не такая уж непосильная задача, потому что Дарий водит, как старикан. Никого не обгоняет, всегда заранее включает поворотник, соблюдает все правила до единого. Скукотища!

Миновав центр города, удаляемся к окраине и въезжаем в новый жилой комплекс, сбавляя скорость. Машина Дария виднеется впереди, и я кручу головой, разглядывая обстановку, потому что здесь мы вряд ли сможем упустить объект. К небу тянутся свежестроенные многоэтажки с коммерческими помещениями на первых этажах, половина из которых пустует. Яркие детские площадки еще не расписаны

юными художниками. Молодые березы высажены в ровные ряды, возле низких цветочных кустов порхают белые бабочки.

– Он остановился, – объявляет Тоша, притормаживая. – И что теперь?

Выглядываю из-за переднего сиденья: Дарий ставит машину на сигнализацию и шагает к подъезду. Его черная рубашка больше не заправлена за пояс брюк, ягодицы и бедра скрыты. Жадина!

– Пока наблюдаем, – сосредоточенно отзываюсь я.

Дарий прикладывает магнитный ключ к замку и открывает дверь. В проходе стоит молодая женщина с коляской, и Дарий приподнимает коляску, помогая преодолеть порог. Мамочка благодарно улыбается, между ними завязывается короткая беседа.

«Они знакомы, – подсказывает внутренний редактор. – Надеюсь, это не его пупс».

Дарий скрывается за дверью, а женщина катит коляску к зеленой аллее, что растянулась между домами. Считаю окна, чтобы определить количество этажей, – двенадцать. Минимум четыре квартиры на каждом. Итого – сорок восемь квартир на один корпус, а то и больше. Нужно сузить круг.

– То-о-ош, – зову я.

– Мне уже не нравится твой тон.

– Нужно узнать, в какой квартире он живет.

– Каким образом? Предлагаешь мне обойти их все, при-

творившись почтальоном?

– Неплохая идея.

– Катя, я же пошутил! На это три дня уйдет!

– Оставим ее как запасной вариант, – отмахиваюсь я. –

Видишь женщину с коляской?

– Хочешь взять ребенка в заложники и потребовать голову Дария?

– За кого ты меня принимаешь?

– Тебе правду сказать?

Усмехаюсь, качая головой, а Тоша забавно кривится.

– Они говорили у подъезда как хорошие знакомые, – объясняю я. – Можно просто спросить у нее, где он живет.

– Тогда вперед.

– Ты пойдешь.

– Почему я?! – возмущается Тоша.

– Потому что ты парень. Если я у нее спрошу, она может принять меня за сексуальную маньячку и ничего не расскажет. А еще она может передать Дарию, что его искала рыжая девица. Как думаешь, за сколько секунд он догадается, что это я?

– Во-первых, ты и есть сексуальная маньячка.

– А во-вторых?

– Что мне ей сказать?

Довольно улыбаюсь и кладу руку Тоше на плечо:

– Скажи, что ты его студент и тебе срочно нужно передать курсовую работу за прошлый семестр, чтобы получить до-

пуск к учебе. Типа вы должны были встретиться во дворе, но Дарий не берет трубку, а тебе пора бежать... ЭМ-М-М... в больницу! Анализы сдавать вместе с младшим братишкой, у которого подозрение на острый гастрит! Она мать, точно проникнется.

– Ты это прямо сейчас придумала? – ошарашенно спрашивает Тоша.

– Да. А что?

– Охренеть!

Шутливо закатываю глаза и тычу пальцем в стекло:

– Смотри! Она идет обратно!

– Если она меня пошлет...

– То мы вернемся к плану с почтальоном.

Тоша напряженно вздыхает и открывает дверь, подмигиваю ему и откидываюсь на мягкую спинку заднего сиденья. Тонировка скрывает меня, и я с интересом наблюдаю за своим агентом из укрытия. Тоша подбегает к женщине, его клетчатая рубашка развеивается на ветру, а огненные кудри горят ярче, чем обычно. Он взволнованно размахивает руками, объясняясь, а мамочка внимательно его слушает. Попалась, и я не удивлена. Такому очаровашке, как Тоша, трудно отказать. Чуть успокоившись, постукиваю пальцами по ладоням и гоняю мысли.

Дома совсем новые, вероятно, сданы в эксплуатацию недавно. Многие покупают квартиры не для жилья, а чтобы зарабатывать на аренде, и это значит... Достаю мобильный и

захожу в приложение быстрых объявлений, вбиваю в поисковике «аренда жилья» и настраиваю фильтры, сужая круг поиска до конкретного адреса. Щеки покалывает волнение и предвкушение от новой идеи. Круче одного книжного канона может быть только два книжных канона. Соседи! Это же гениально! Дарий никогда не подумает, что я переехала нарочно, решит, что это судьба. Придумаю какую-нибудь слезливую историю о том, что вынудило меня сменить квартиру. Потоп? Пожар? Ссора с хозяйкой?

«А разбитое сердце тебе на что?» – саркастично спрашивает внутренний редактор.

Точно! Вот он – идеальный сценарий. Я вся такая несчастная беглянка, и он... мой нечаянный спаситель. Мы будем постоянно пересекаться, уж я об этом позабочусь, а остальное – дело времени.

Тоша садится в машину и оборачивается:

– Что у тебя с лицом?

Улыбаюсь шире, крепче сжимая телефон:

– Ты узнал номер квартиры?

– Кать, мне страшно. Вызывать экзорциста?

– Узнал или нет? – повторяю я, не обращая внимания на подколки.

– Триста шестьдесят четыре, девятый этаж, – отвечает он, нахмурившись.

Опускаю голову и листаю список предложений по аренде.

– Кать, что ты делаешь?

– Поможешь мне вещи перевезти?

– Куда? В психушку? Конечно помогу!

Показываю ему язык и жму на номер телефона, прикрепленный к объявлению.

– Да? – звучит женский голос из динамика.

– Здравствуйте. Я насчет аренды квартиры. Ваше объявление еще актуально?

Глава 3

Тоша поднимает последнюю коробку с книгами и направляется к распахнутой входной двери.

– Включить музыку для драматичности момента? – спрашивает он, оборачиваясь.

– Отвянь! – смеюсь я.

– Ну а что? Нужно пройтись по комнатам, погладить стены и расплакаться от воспоминаний, что ты здесь оставляешь. Разве не так ведут себя героини?

Смотрю через дверной проем в спальню, затем – на кухню. Единственное, что я чувствую сейчас, так это удивление от того, какой чистой может быть эта квартира. Я не оставлю здесь никаких особенных воспоминаний, только одиночество. Все самое веселое и необыкновенное происходило вне этих стен.

– Это место ничего для меня не значит.

– Нисего ни зносит, – премерзко кривляется Тоша. – Видела бы ты себя. Голливудские актрисы рыдают в сторонке.

Показываю ему язык, хватаю пакет и связку ключей с крючка на стене:

– Идем уже, месье критик, пока я не продемонстрировала тебе роль маньяка-убийцы, который помешан на маленьких рыжих мальчиках.

– Как страшно!

Запираю дверь, прижав ее коленом, и выхожу следом за Тошей на лестничную клетку. Всего два пролета вниз, и вот он, свободный путь в новую жизнь. Начало следующей истории. Теплые лучи вечернего солнца гуляют по двору на пару с прохладным осенним ветром. Багажник и заднее сиденье машины забиты моими вещами, друг впихивает последнюю коробку и прыгает за руль. Сажусь рядом на пассажирское кресло и прикрываю ладонью рот, широко зевая.

– Не выспалась? – спрашивает Тоша и заводит мотор.

– Всю ночь вещи собирала, а на парах особо не поспишь.

– Тоже верно, – кивает он и внимательно смотрит на меня.

– Ну чего тебе?

– Жду.

– Подзатыльника или Божьего благословения?

– Давай, Кать. Скажи это.

– Нет! – строго отвечаю я. – Поехали уже!

– Пока не скажешь, никуда не поедем, – дразнится Тоша.

Раздраженно цокаю языком и закатываю глаза, делаю глубокий вдох и долгий выдох.

– Отвези меня домой, – прошу я нежным голосом и отворачиваюсь к окну, мечтательно улыбаясь. – Я еду домой.

Тоша закатывается диким смехом, а я качаю головой. Любит же он издеваться, но я готова простить ему эти шалости за то, что терпит мое безумие. Машина трогается с места, и мы направляемся к выезду со двора. Натягиваю широкий капюшон толстовки и опускаю на нос темные солнечные очки.

Стоит подстраховаться, чтобы Дарий не заметил меня раньше времени. Не люблю встречи, которые не спланированы мной.

– Кать, я должен спросить... – с осторожностью произносит Тоша.

– Валяй.

– Ты уверена?

– Смеешься?! Ты хоть представляешь, как мне повезло урвать квартиру по соседству с объектом? Судьба на моей стороне, а значит, я все делаю правильно.

– Как ты вообще уговорила хозяйку отдать квартиру тебе? Еще вчера на ней была бронь.

Довольно ухмыляюсь и расслабленно откидываюсь на спинку кресла:

– Сказала, что меня бьет парень и нужно сбежать от него как можно дальше и как можно скорее. А еще предложила двойной залог.

– Ну ты даешь, – вздыхает Тоша и выворачивает руль.

Мчимся по оживленной городской улице, все дальше к окраине. Из колонок звучит заводной трек. Двигаю плечами в такт битам и щелчкам, слова о стойкости поднимают настроение. Мысли тянутся к Роме, а текст песни их подгоняет.

I took a beating, I took your love

Like a fighter

(«Я потерпел поражение, я встретил твою любовь,
Как боец»).

В кармане вибрирует телефон, и я достаю его, чуть скривившись. Можно было бы сбросить звонок, но совесть не позволяет этого сделать. Время расплаты. Тяжело вздыхаю, уменьшаю громкость музыки и принимаю вызов.

– Привет, папуль! – радостно щебечу я.

– Привет, малышка! Денежку получила? Квартиры оплатила?

– Ага, спасибо. Все хозяйки при деньгах, и все счастливы.

– Как дела с переездом?

– Как раз сейчас Антонио везет меня в новую обитель вместе с вещами.

– Отлично, – отвечает папа, даже не собираясь уточнять, кто такой Антонио. – У меня через неделю аванс, переведу тебе еще на карманные расходы.

Беззвучно хмыкаю и проглатываю разочарование. Он все еще верит, что деньги нужны мне больше, чем его внимание. Неловкая пауза затягивается, тихое урчание мотора лишь усиливает напряжение.

– А у тебя как дела? – спрашиваю я с вынужденной вежливостью, чтобы хоть немного продлить иллюзию общения.

– Неплохо. Еду вот с магазина.

– Что купил?

– Да продукты всякие: хлеб, молоко, яйца.

– Понятно. Рада, что ты хорошо питаешься.

– А ты? Ты хорошо питаешься, дочь? – в голосе отца больше скованности, чем искренней заботы.

Вспоминаю свой рацион: соленые крекеры, сыр, алкоголь, китайская лапша. Совсем не тот набор, который следует озвучивать родителям.

– Угу, – мычу я. – Подсела недавно на правильное питание. Отварная индейка, свежие салаты. Не волнуйся, я могу о себе позаботиться.

– Это хорошо, – отвечает он, устало выдыхая.

Мы все еще не можем пережить второй дубль семейной драмы, поэтому каждый разговор для нас – настоящее испытание. Новая гнетущая пауза, точно бездонная пропасть, которая все расширяется и расширяется. Я не принимаю его выбор, не получается.

– Мама сказала, что не может до тебя дозвониться, – приглушенно говорит отец, будто сам боится сказанных слов.

Передергиваю плечами, в голове стоит болезненный скрежет.

– Наверное, сеть барахла, – сухо отвечаю я.

– Тогда... может, ты сама...

– Ой, пап, мы уже приехали! Позже тебе наберу! – бегло выдаю я и кладу трубку.

Нервно стучу телефоном по колену. Злость подогревает кровь и учащает дыхание.

– Ты все-таки добавила мать в черный список? – напря-

женно спрашивает Тоша.

– Да.

– Почему прямо не скажешь об этом отцу?

– И заставить его разрываться?

– Может...

– Тош, давай не будем об этом, – перебиваю я, не желая снова мусолить эту тему.

– Конечно. Как скажешь, – отвечает друг и прибавляет громкость музыки.

Коробки и пакеты сложены в большую кучу посреди тесной квартиры-студии. Стягиваю капюшон и снимаю очки. Миссия выполнена без единой накладки.

«Расслабляться рано. Это только начало», – напоминает внутренний редактор.

Тоша вытирает тыльной стороной ладони влажный лоб и крутит головой, рассматривая обстановку:

– Это жилище для лилипутов? Сколько ты отвалила за эту конуру?

– Немало, – отвечаю я и хватаю с подоконника бутылку минеральной воды. – Держи, Геракл. Освежись!

– В следующий раз найдем грузчиков. Я ни рук, ни ног не чувствую, – отвечает он и открывает крышку.

– В следующий раз? Не веришь в меня, что ли?

– У тебя такой ветер в башке, что я не удивлюсь, если через неделю ты нацелишься на какого-нибудь певца из кей-поп-группы и захочешь переехать в Корею.

Пожимаю плечами, потому что рассуждения Тоши не так уж и далеки от истины, и выглядываю во двор. Высоковато, конечно, но Дария я узнаю даже с такого расстояния. Наблюдательный пункт отличный, можно следить, когда он уходит и приходит. С кем, как, в каком состоянии. Красота!

– Спасибо за помощь, Тош. Проси что хочешь. Роллы, пиццу?

– Не сегодня.

Разворачиваюсь, складывая руки на груди. Тоша демонстративно закатывает глаза и ставит бутылку воды на кухонный островок:

– Пятница же.

– Точно, – киваю я. – Еженедельный ужин с родителями.

– Поехали со мной! – воодушевленно предлагает он. – Мама готовит рыбные стейки, и мы можем уговорить отца открыть пятизвездочный коньяк.

Не думаю, что получится хорошо провести вечер в кругу идеальной чужой семьи даже под пятизвездочным коньяком. Натягиваю улыбку и указываю на коробки:

– Мне нужно вещи разобрать. Давай в другой раз.

Тоша хмурит светлые брови и неодобрительно мотает головой:

– Ты каждый раз говоришь про другой раз.

– И он обязательно наступит.

– Ты точно в порядке?

– А что, не похоже? – усмехаюсь я.

– Вообще-то не очень, – строго заявляет Тоша и шагает ближе. – Кать...

– Не надо, – перебиваю я. – Ничего не говори, ладно? Не хочу грустить и думать о проблемах.

– Но если замалчивать их, они не исчезнут.

Кусаю нижнюю губу, уставившись в пол. Мне не обмануть Тошу лживым «все хорошо», но сейчас и правда не хочется ничего обсуждать.

– Мне пора ехать, – с сожалением произносит он.

– Конечно! – беспечно отмахиваюсь я. – Еще раз спасибо. Ты – мой герой.

Закрываю друга в теплые объятия, сердце тихо пищит – «не уходи», но я сама отступаю.

– Все, вали уже. – Я киваю на дверь. – И родителям привет передавай.

– А ты звони, если что. Ладно?

– Ва-ли! – шутливо прикрикиваю я.

Закрываю за Тошей дверь и глубоко вдыхаю запах пока еще незнакомой квартиры: освежитель воздуха «После дождя» и немного хлорки. Гадость! Бросаюсь к коробкам и, разворошив пару штук, нахожу аромадиффузор. Вставляю в стеклянную банку все палочки из набора и подношу композицию к носу. Кожаные и древесные ноты смешиваются с резким цитрусовым ароматом. Так уже получше. Ставлю ароматическую бомбу на пустой пенал у стены и горько усмехаюсь. Вот теперь я дома.

Одиночество ощущается неприятной тяжестью на душе, бросаю взгляд на коробки и, поморщившись, обхожу завал. Шагаю к двери, что ведет на балкон, ступни кусает холод напольной плитки. Это место кажется самым уютным в квартире. Окна тянутся от середины стены до потолка, вечернее синее небо нежным переходом превращается в ярко-розовое. С правой стороны на глухой стене висят открытые полки, абсолютно точно созданные для книг, а ниже стоит широкая тумба с ящиками, поверх которой лежит пухлый матрас и несколько цветных подушек. Идеальное место для чтения, не то что подоконник, где я пряталась за занавесками от родительских ссор. Может, здесь мне будет не так уж и плохо.

Поворачиваюсь влево, тепло от предвкушения разливается в груди. Подхожу к торцевому окну и поднимаю жалюзи. Та-дам! Не хватает хлопка открытого шампанского и салютов. Это окно выходит на соседний балкон, где за стеклом виднеется кресло-мешок в углу и небольшой круглый столик, на котором стоит черная пепельница. Получается, мои расчеты в очередной раз оказались верны. Жаль, конечно, что я ненастоящая героиня романа, там такие случайности преподносятся на блюдечке, а вот в жизни приходится потеть и платить. Ну да ладно, оно того стоило. Теперь мы с Дарием не просто соседи, а соседи, у которых есть возможность заглянуть в личное пространство друг друга.

«Ай-яй-яй, Дарий Викторович. Что же вы жалюзи не

опускаете? Нас, что ли, ждете?» – насмешливо лопочет внутренний редактор.

Возвращаюсь в комнату и закрываю за собой дверь, пока новый сосед не засек наше стремительное сближение. Мы должны столкнуться в лифте или во дворе, а уже потом я добью Дария положением наших квартир. Это будет феерично, даже мистер Невозмутимость не сможет устоять. Нехотя кошусь на коробки, уговаривая себя приступить. Никто, кроме меня, все равно этого не сделает, но сначала нужно обеспечить чистую голову, потому что от количества мыслей болят даже волосы. Достаяю из кожаного портфеля ноутбук и ставлю его на подоконник. Кто же сегодня составит мне компанию? Китнисс Эвердин? Лу Кларк? Нет, нужно что-то не такое стеклянное. Любимое и расслабляющее. Пальцы летают по клавиатуре, набирая название фильма, который я уже в ролях могу отыграть от начала до конца – «Ла-Ла Ленд».

За окном уже стемнело, в комнате горят все лампы и подсветки. Сажу на полу в ворохе одежды и вытираю слезы футболкой, покачиваясь под финальную песню фильма. В груди нестерпимо щемит на последних кадрах, дрожь пробегает по рукам. Настоящая любовь делает нас менее эгоистичными, и это прекрасно. Когда ты хочешь беззаветно заботиться о ком-то, когда его самочувствие и мечты становятся такими же важными, как и твои собственные. Черный экран ноутбука погружает душу в темноту, мучительные вопросы гремят в голове: «Неужели я такого никогда не испытаю? Не заслу-

живаю? Недостаточно хороша?» Вот черт! Выбрала фильм для расслабления!

Порывисто вздыхаю и промакиваю мокрые щеки мягкой тканью футболки. Беру телефон и открываю «Поляроид». Пальцы порхают по экрану, перехожу на страницу Ромы и листаю ленту его фотографий. Тоска вместе с болью несется мне навстречу и крепко обнимают, выпуская острые шипы, пронзающие тело, – он все еще не удалил ни одной нашей фотографии. Открываю на весь экран любимый кадр, сделанный в начале лета. На фоне голубое озеро, а в центре мы, счастливые и влюбленные. Рома держит меня на руках, а я обнимаю его за шею. Мои волосы подхвачены ветром, а взгляд направлен на парня, который, как я думала, любит меня.

Легким взмахом сворачиваю фото, в верхнем углу экрана вокруг аватарки Ромы сияет оранжевый круг. Как могу, борюсь с соблазном, но все-таки открываю видео. Дорога, руки Ромы на руле, в салоне автомобиля играет трек из топовой музыкальной подборки. Ничего особенного, кроме того, что это не оригинал, а репост. Перехожу на страницу с прелестным ником «loveyourself910», и сердце на мгновение замирает. На весь экран появляется миловидное лицо девушки со светлыми волосами, вокруг летают сердечки и бабочки. Она сидит на пассажирском кресле в машине Ромы, кривляется и танцует, подпевая словам песни.

Запрокидываю голову, тяжело дыша. Слезы затекают в

уши и вызывают неприятную щекотку. Я бы хотела сейчас почувствовать ненависть или отвращение, обиду или холодную злость, но вместе с быстрым стуком сердца в горле kloкочет лишь боль. Это я не могу его отпустить или он меня? Когда уже станет легче? Станет ли вообще?

Короткая вибрация ударяет в ладонь, на экране появляется сообщение от отца.

Папа: «Катенька, пожалуйста, позвони маме. Она волнуется. Вам нужно поговорить».

Блокирую телефон и упрямо трясую головой, желая избавиться от мыслей о жалкой обреченности. Дурацкий «Ла-Ла Ленд», это он во всем виноват! Поднимаюсь с пола, прихватив стопку вещей, и шагаю к шкафу. Сжимаю круглую ручку и резко распахиваю дверцу, слышится тихий щелчок, и указательный палец обжигает болезненная вспышка. Медленно вытягиваю воздух через нос, глядя на сломанный ноготь. Это последняя капля. Сдавленно рычу и бросаю вещи на полку, забыв об аккуратности. Жалость к себе душит и призывает истерику, которая пробегает по телу волной болезненной дрожи. Вот так всегда, ты можешь выдержать кучу дерьма, тысячи сложностей и даже предательство, а с ног собьет какая-то крошечная неудача.

Прижимаю ладони к лицу и понимаю, что процесс уже не остановить. Придется смириться. Почти вслепую нахожу сумку и достаю из внутреннего кармана пачку сигарет и зажигалку. Выхожу на балкон, открываю окно. Ветер касает-

ся щек и волос. Представляю, что он жалеет меня, и позволяю себе разрыдаться. Пусть это выйдет из меня. Я устала. Очень устала. Быть сильной, стойкой, непробиваемой. Принимать каждый удар как должное. Ненавидят? Ладно. Предают? Пусть. Забывают? Хорошо. Только ничего хорошего нет. Я одна. Снова. Никому не нужна и не важна.

Дым смешивается с вечерним воздухом, шепот города успокаивает. Минуты тянутся одна за другой, и через какое-то время напряжение ослабляет хватку на горле, оставляя лишь дрожь в плечах. Возвращаю эмоциональное равновесие и слышу звоночек интуиции. Неуютное тепло пронесится по левой стороне тела, и я замираю. Нет, не может быть. Кошусь влево, но это не помогает. Медленно поворачиваюсь и... Черт! Черт, черт, черт!

Дарий стоит в ярком свете потолочной лампы, темные волосы всклокочены, лоб и брови напряжены. На его лице тихое изумление и недоверие, а значит, он уже точно понял, кто перед ним, но все еще надеется, что ошибся.

«Катя, исправляй ситуацию!» – вопит внутренний редактор.

У меня есть всего несколько секунд на принятие решения. Бегло перебираю варианты и возможные последствия.

Помахать? Глупо!

Стрельнуть окурком в окно? Слишком много действий!

Показать язык или средний палец? Детский сад!

Спокойно кивнуть? Дарий поймет, что я знала о нашем

соседстве!

Удивиться и возмутиться? Энергозатратно!

Сделать вид, что я его не узнала? Идеально!

Вытираю пальцами слезы и шагаю к двери. Главное, не дергаться и не торопиться. Я не сбегаяю, просто ухожу. Переступаю порог, скрываясь, и едва не валюсь с ног. Ну как же так?! Почему я сразу не закрыла боковые жалюзи?! Бегом несусь к раковине и тушу под струей воды дымящуюся сигарету. Вот это прокол, хотя... Дарий увидел меня уязвимой, можно обернуть это в свою пользу. Никто не станет наезжать на расстроенную девушку. Никто, кроме бессердечных козлов, разумеется. Надеюсь, Дарий не из их секты.

Открываю бутылку воды и выпиваю все до последней капли, чтобы сбить горечь во рту. Шумно выдыхаю и отправляю пустую бутылку в мусорное ведро. Первая встреча вышла не такой, как я хотела, но это ничего не меняет. Нужно всего лишь подкорректировать план. Вероятно, Дарий сейчас задается вопросом «Что со мной случилось?», а не «Как я здесь оказалась?». И это хорошо. Очень даже хорошо. Сочувствие – острый крючок. Смотрю на пенал, который успела наполовину заполнить книгами, цветные корешки услужливо напоминают сюжеты.

Взрослые мужчины, в отличие от парней, чаще всего выступают в роли самоотверженных спасателей. Они помогают героиням, даже если те не нравятся им на первых порах, – принцип вожака стаи и котенка под дождем. Хороший герой

должен заботиться о тех, кто слабее. Им нравится чувствовать себя сильными и нужными, это их способ самоутверждения, не то что у мелких абыюзеров, для которых важнее насечки на спинке кровати. Если предположить, что Дарий относится именно к первому типу, ведь один раз он уже выручил меня без причин и оснований, то... Поворачиваюсь к соседней стене, представляя, что вижу ее насквозь и ловлю обеспокоенный взгляд зеленых глаз. Придется притвориться милым котенком с острыми зубками.

Следующие полчаса я заканчиваю раскладывать вещи по местам в полнейшей тишине, то и дело прислушиваясь к происходящему в соседней квартире. Интересно, чем Дарий там занимается? Думает ли он обо мне? Хочется верить, что да. Последний пункт в списке дел по облагораживанию жилища – застелить постель. Воюю с наволочками и пододеяльником и, наконец победив, падаю на мягкий матрас, раскинув руки в стороны. Пустой желудок сжимается, напоминая о таком же пустом холодильнике. Нехотя поднимаюсь и проверяю время на мобильном – начало девятого, еще успею сходить в магазин.

Надеваю толстовку, скрываясь под капюшоном, шагаю к двери и останавливаюсь у зеркального шкафа. Щеки немного красные, веки и нос припухшие. Натягиваю капюшон еще ниже и предусмотрительно выглядываю в коридор. Еще одна случайная встреча нам не нужна, не сегодня. Я хочу закрепиться в мыслях Дария, и чем дольше длится его неведение,

тем больше он будет думать обо мне.

«Да, да, милый. Мы уже у тебя в голове», – приговаривает внутренний редактор.

Щелчок замка соседней квартиры заставляет меня вернуться. Осторожно прикрываю дверь и задерживаю дыхание. Судьба угорает надо мной, не иначе. *Я сама хочу решать, когда нам сталкиваться! Мне не нужна помощь!* Прислушиваюсь. Хлопок, щелчок, удаляющиеся шаги. Тихо, точно ниндзя, выхожу из квартиры и добираюсь до поворота. Жду, когда объект зайдет в лифт, и только после этого выскакиваю на лестничную клетку. Быстро спускаюсь по ступеням на первый этаж, объект выходит из подъезда, а я следом на безопасном расстоянии.

Адреналин разгоняет кровь, кажется, даже зрение становится резче. Дарий шагает через детскую площадку к торговому пятачку. Немного странно видеть своего преподавателя не в классическом костюме. Широкие темные джоггеры и свободный свитшот скрадывают пару лет, но это не спасет Дария Викторовича от клейма старикана. Меня не обманешь. Он заходит в супермаркет, а я скрываюсь в тени соседнего дома. Тоже проголодался на ночь глядя? А если он там полчаса ходить будет, мне что, с голоду умереть? Замечаю мерцающую вывеску алкомаркета и поджимаю губы. Я честно хотела пойти в обычный магазин, но... здесь ведь тоже можно купить еды.

Открываю дверь и вежливо здороваюсь с миловидной

блондинкой, стоящей у прилавка. Безошибочно нахожу винный отдел и останавливаюсь перед полками, на которых стоят блестящие бутылки. Не зря же судьба привела меня сюда. Если что, это все Дарий виноват. Белое, красное... а вот и розовое полусладкое. Хватаю бутылку и открываю холодильник, чтобы выбрать закуски. Сыр «Бри» и мясная нарезка выглядят очень даже аппетитно. Чем не ужин, правда? Подхожу к кассе, за ней стоит девушка с застывшей на лице рабочей улыбкой.

– Ваши документы, пожалуйста.

– Эм-м-м... – скованно тяну я и снимаю капюшон. – Я не взяла с собой паспорт, но мне уже есть восемнадцать.

– К сожалению, я не могу продать вам вино без документов.

– Послушайте, я сегодня только переехала. Вся квартира в коробках, и я очень устала...

– Я все понимаю, но и вы меня поймите. Правила есть правила.

Умоляюще выгибаю брови и качаю головой:

– Я живу на девятом этаже. Не заставляйте меня проделывать этот долгий путь еще раз.

В ее глазах ни капли жалости, одно лишь безразличие. Можно было бы устроить скандал, конечно, но, в конце концов, блонди делает свою работу, и делает ее хорошо. Горько усмехаюсь и с пониманием киваю.

– Пробейте только сыр и мясо, пожалуйста.

– И вино тоже, – слышу за спиной знакомый голос. – В мой чек. А еще салатовые стики для айкоса.

Опускаю нос, мозг закипает. Да что же это такое? *Я пишу эту историю! Только я! Хватит путать мне карты!*

– Конечно. Но есть ли у вас с собой паспорт, молодой человек? – говорит блонди на порядок нежнее.

– Хочешь еще раз посмеяться над моим фото? – беззлобно усмешается Дарий, останавливаясь рядом со мной.

Продавец смущенно хихикает и принимается торопливо сканировать штрихкоды на продуктах, продолжая разговор:

– Ты там такой милый, не могу отказать себе в этом удовольствии.

Я не поняла, они что, флиртуют? Бросаю на блонди хлесткий взгляд, но она не обращает на меня внимания, увлеченно строя глазки Дарию.

– Оплата картой, – недовольно произношу я.

– Можете оплачивать.

Прикладываю телефон к терминалу и забираю продукты, но не тороплюсь уходить. Дарий покупает вино и стики, и его волнующий голос заставляет замереть все женские сердца в радиусе десяти километров:

– Спасибо, Оль. Еще увидимся.

– Зачем мне твои спасибо, когда я все жду, что мы сходим на свидание?

Невольно напрягаюсь и сжимаю зубы. Какое еще свидание?! Грабли прочь!

– Обязательно сходим, – отвечает Дарий, складывая покупки в пакет, и шагает к выходу из магазина.

Изумленно плетусь следом, разгоряченную кожу лица успокаивает вечерняя прохлада. Дарий поворачивается ко мне и немного прищуривается, его грудь приподнимается на вдохе и медленно опускается на выдохе. Пора перевоплотиться в котенка.

– Спасибо, – приглушенно произношу я, нагоняя побольше грусти в интонацию.

– За что? – сухо спрашивает он.

– За то, что купил вино. Скажи номер карты или телефона, я переведу тебе...

Наглая усмешка на лице Дария заставляет замолчать.

– Кто сказал, что я купил его тебе?

Он разворачивается и уходит по дорожке в сторону дома, а я открываю рот, беспомощно глядя ему вслед.

– Эй! – злобно выкрикиваю и срываюсь с места. – Но это мое вино!

– Неужели? У тебя есть чек?

– Нет, но...

– А у меня есть.

Что за сволочь, а? Не ожидала от него такого.

– Хватит меня материть, – весело произносит Дарий.

– Я молчала.

– Я слышу, как ты думаешь.

– Может, еще и видишь, что я мысленно тебе показываю?

– Вижу, – тихо смеется он. – Пальцы у тебя явно лишние.

– А у тебя...

«*Хватит!* – рычит внутренний редактор, заставляя меня умолкнуть на полуслове. – *Не права качай, а на жалость дави!*»

Опускаю голову и молча бреду рядом с Дарием.

– Что у меня? – спрашивает он.

– Ничего, – опустошенно вздыхаю я.

Подходим к подъезду, Дарий открывает дверь магнитным ключом и входит первый. Странно, я думала, все стариканы воспитанные. Он жмет на кнопку вызова лифта, автоматические двери разъезжаются в стороны. Шагаю вперед и забиваюсь в угол, упираясь затылком в стену. Голова немного кружится от голода, жжение в животе грозит скорым походом к гастроэнтерологу.

– Давно ты переехала? – нарушает тишину Дарий.

– Сегодня.

– В соседнюю квартиру?

– Если бы на ней было написано «Рядом живет бессовестный похититель вина», то я ни за что бы ее не выбрала.

– Жаль, что я не знал об этом раньше.

– Не переживай, я сама все сделаю. Твоя дверь будет самая красивая на этой планете.

– Угрожаешь мне? – насмешливо спрашивает он.

Прикрываю глаза, борясь с желанием выплюнуть какую-нибудь гадость. Похоже, мой переезд его мало волнует.

Никакой реакции, кроме того, что он смеется надо мной. Это не по плану, черт возьми!

Звучит короткий звонок, лифт останавливается на девятом этаже. Выскакиваю первая и несусь к своей квартире, потому что полностью потеряла контроль над ситуацией. Не могу сориентироваться, не могу его переиграть. Закрываю за собой дверь и скидываю кроссовки, бросаю сыр и мясо на кухонный островок и тяжело дышу, упираясь ладонями в столешницу. Неужели я проиграла? Уже? Все впустую? Нет, не может быть! Я не согласна!

Злобно смотрю в стену, смежную с соседней квартирой:
– Чтоб ты подавился моим вином, вор несчастный.

Разрываю картонную упаковку сыра и вонзаюсь зубами в мягкую корочку, чтобы поскорее утихомирить желудок. Усиленно жую и тянусь к пачке мясной нарезки, как вдруг слышу трель дверного звонка. С трудом проглатываю сыр и делаю неуверенный шаг в прихожую. Еще один перезвон проносится по квартире, и я прибавляю скорости. Открываю защелку и удивленно отшатываюсь. Дарий протягивает мне открытую бутылку вина и добродушно улыбается:

– С новосельем, Катюш.

Хлопаю ресницами, язык прилипает к небу. У него что, раздвоение личности? Откуда столько любезности? И-и-и... что еще за «Катюш»?! Принимаю неожиданный подарок и хрипло выдавливаю:

– Спасибо.

Дарий коротко кивает и возвращается в свою квартиру, не проронив больше ни слова. Медленно закрываю дверь и тащусь на вино. Он открыл его для меня? Поэтому не отдал бутылку раньше?

«Катя, дыши. Сейчас твой ход, нельзя оставлять последнее слово за ним», – советует внутренний редактор.

Замираю, вспышка новой идеи на мгновение ослепляет. Достаяю из кухонного шкафчика большой стакан и наливаю в него вино, оставляя в бутылке ровно половину. Отрезаю кусок сыра без следов от зубов и беру несколько слайсов мясной нарезки, аккуратно выкладываю закуски в глубокую тарелку и выношу дары в коридор. Ставлю все слева от двери Дария, чтобы исключить возможность опрокидывания, жму на звонок и убегаю домой. Будем надеяться, что этого хватит для начала добрых соседских отношений.

Уничтожаю съестные припасы с космической скоростью, от пары глотков вина голова тяжелеет, но расслабляющее тепло приятно струится по телу. Тихонько выглядываю в коридор, подношение принято. Ну хоть что-то хорошее за сегодняшний день. Выхожу на балкон, прихватив стакан, и тянусь к пачке сигарет, как вдруг интуиция вновь подает тревожный сигнал.

«Держись, Катя! Держись! Не смотри на него, не вздумай! Сыграй романтическую и печальную красавицу. Пусть он тобой полюбуется», – грозно раздает указания внутренний редактор.

Знаю, что он прав, но не могу послушаться. Поворачиваюсь, на соседнем балконе горит свет. Дарий сидит в кресле с бокалом в одной руке и планшетом в другой и смотрит прямо на меня. Расслабленная поза с широко расставленными ногами и приподнятый подбородок делают его похожим на большого босса, который уже покорил весь мир. Сердце вмиг разгоняется, жар приливает к щекам. Нужно что-то сделать, глупо просто тарашиться друг на друга, мы же не маньяки какие-то. Салютую Дарию стаканом и выдавливаю слабую улыбку. Он встает и шагает ближе к торцевому окну, ставит бокал на подоконник и набирает что-то в планшете. Через несколько мгновений вижу горящий экран, а на нем послание: «За твоё новоселье?» Делаю пару шагов вперед, мотая головой. Скудный и безэмоциональный тост, так не пойдет.

Между мной и Дарием два стеклопакета, два метра ночной тишины, мой план и неоднозначность нашего взаимодействия. Пора сократить дистанцию, а для этого нет ничего лучше, чем откровение. Опускаю стакан, складываю пальцы в форме сердца и резко его разрываю. Дарий обхватывает ножку бокала. Моя рука чуть подрагивает, вновь касаясь холодного стекла, а в горле растёт колючий ком. Одновременно приподнимаем напитки, имитируя звонкий удар, и делаем по глотку. Не знаю почему, но на душе становится чуточку легче, правда, ненадолго. Внимательный взгляд Дария меняет настрой и ощущения. Чертовски пристально, кажется, что он

может увидеть больше, чем мне бы хотелось. Кожа на шее и ключицах покрывается мурашками, а по позвоночнику проносится необъяснимое чувство страха. Вот теперь точно достаточно. Хватаю шнурок и закрываю жалюзи, встряхиваю волосами и делаю еще пару глотков сладкого розового вина. Что-то мне подсказывает, в этот раз легко точно не будет.

Глава 4

Солнечный свет пробивается сквозь балконные окна, в воздухе летают мелкие блестящие пылинки и чувствуется аромат увядающей зелени и холодной свежести. Сажу на мягком матрасе, укутав ноги мохнатым пледом и обложившись подушками, в руках раскрытая книга, рядом стопка любимых бумажных историй и бутылка ягодного морса из ближайшего кафетерия. Поглядываю на закрытые жалюзи торцевого окна, из которого открывается вид на соседний балкон, и напряженно вздыхаю. Ширма опущена уже почти два дня с вечера пятницы, и это мое осознанное решение. Во-первых, в девушке должна быть загадка, а во-вторых... Сложно признаться, но я в небольшой растерянности. Реакции Дария невозможно предугадать, поэтому пришлось взять паузу и провести все выходные за чтением. Нужна новая схема, и я уже кое-что нарыла, но не могу сказать, что довольна сделанными умозаключениями.

Самое обидное – придется забыть об открытом соблазнении. Взрослые парни в большинстве случаев, если у них все в порядке с головой, отлично умеют справляться с гормонами, этим их не проведешь. Манипуляции с вызовом негативной реакции и эмоциональными всплесками тоже летят в мусорку, потому что Дарий уже зарекомендовал себя как уравновешенный и рассудительный человек (читай – скучный ста-

рикан). И что же мне остается? Минимальный и достаточно унижительный набор – давление на жалость и попытки сблизиться на духовном уровне, а именно: поиск общих тем для разговоров и схожих интересов. И пока единственное, что у меня есть, так это наша общая любовь к розовому вину и времяпрепровождению на балконе. Ску-ко-та!

Перелистываю страницу и внимательно читаю сцену, как герой, который занимает высокую должность в компании отца главной героини, успокаивает ее после попытки изнасилования. Он крепко обнимает девушку, к которой всегда относился как к младшей сестре, гладит ее по волосам и шепчет, что все будет хорошо. Ярость клокочет в его венах, но он сдерживается ради героини, чтобы не пугать ее еще больше. Думает о том, какая она нежная и хрупкая, что ее нужно беречь и лелеять. И вот, когда она откликается на его объятия, герой наконец-то понимает, что его чувства куда больше родственных. Опускаю книгу на колени и запрокидываю голову. Попытка изнасилования, значит? Как сказал бы Тоша, даже я не настолько больная, чтобы играть с этим. Но можно устроить нападение хулиганов или кражу, в конце концов можно сломать замок на двери и напроситься к Дарию в гости, как это сделала Лана с Елисеем. Правда, тогда все закончилось не очень радужно, но это уже детали. И все равно, перед тем как переходить к активным действиям, придется подружиться с Дарием. Подружиться, мать твою! А время-то идет, из срока в два месяца осталось чуть больше одного.

Мобильник коротко вибрирует под бедром, оповещая о новом сообщении. Откладываю книгу и беру телефон. Легкая вспышка волнения ударяет по лицу, и я открываю диалог.

Гриша: «Привет, Кэт! Я прочитал твою финальную главу...»

Катя: «Привет! Не зашло?»

Гриша: «Ты ведь помнишь, что я считаю тебя очень талантливой?»

*Катя: «Не пытайся смягчить удар, бей уже *смайлик, закатывающий глаза*»*

Гриша: «Что ты сделала с главным героем?»

Катя: «А что с ним?»

*Гриша: «Кэт, я понимаю, что ты хотела привести все к ХЭ и он возможен, но... делать из полупсихованного развязного плохиша плюшевого розового зайца – перебор. Серенада, признание в любви на виду у всех, чуть ли не рыдая... все это совершенно противоречит характеру героя и поэтому выглядит глупо. Ты не радуешься счастливому концу, а удивляешься таким быстрым переменам и не понимаешь, что происходит и кто перед тобой *грустный смайлик*»*

Катя: «Но он ведь изменил и почти потерял ту, которую по-настоящему любит! Разве он не должен раскаиваться?!»

Гриша: «Конечно должен, но не как пятнадцатилетняя девочка. Нужен поступок,

переосмысление и доказательство чувств, а не всхлипывающие баллады о вечной любви. Ты убила в нем мужика. Сама бы хотела такого?»

Смотрю в окно, кусая нижнюю губу. Я начала эту рукопись сразу после того, как Рома предложил мне встречаться. Писала урывками почти год, хотела увековечить свои любимые романтические моменты, но и драмы хватило для остроты сюжета, плюс я добавила недостающих деталей. Это история о нас, обо мне иROME. О его ошибках и моих истериках, мечтах и бурных примирениях. Финальная глава была написана ранним утром после нашего разрыва. Я думала, что если поставлю обе точки сразу, то станет легче. И если первая беспросветно черная, то вторая получилась до тошноты розовой. Гриша прав, это сюр чистой воды. Мои глупые фантазии о том, как все могло бы сложиться, если бы Рома любил меня больше всего на свете.

Катя: «Ты прав. Я перепишу финал»

Гриша: «Злишься?»

*Катя: «Конечно нет! Ты что? Я просто была на психах, вот и вылезло слишком много сладкой ваты *смеющийся до слез смайлик*»*

*Гриша: «Сам роман очень крутой. Честный, чувственный, местами забавный, местами грустный. Всего в меру. Он может покорить мир *смайлики-звезды*»*

Катя: «Ты меня перехваливаешь. Таких романов миллиарды, но... их правда любят. За сладкие финалы,

между прочим!»

*Гриша: «Я всего лишь высказал свое мнение. Обычно за такое даже деньги берут. Можешь оставить как есть, если хочешь. Ты ведь здесь царь и бог *смайлик в черных очках*»*

Катя: «Ахаха! Я автор, я так вижу!»

Гриша: «Точно! Кстати, как дела с предыдущей рукописью? Издательство еще не ответило?»

Катя: «Нет, это небыстрый процесс»

Гриша: «Все еще не передумала насчет публикации в сети?»

*Катя: «Мне хватает критики от тебя *смайлик, показывающий язык*»*

Переписка с другом отвлекает от насущных проблем, болтаем о новых книгах, фильмах и музыке. Наше легкое общение ненадолго приносит душевный покой, и сейчас я с уверенностью могу сказать, что рада знакомству с Гришей, несмотря на то, как оно началось. Мы все уже давно забыли о пережитом. В конце концов, как сказал кто-то умный: «Человек ошибается до конца жизни», а значит, нужно учиться прощать.

Понедельник и так день тяжелый, а если ты встал в пять утра, то он автоматически становится еще и невыносимым. Топчусь у входной двери и прислушиваюсь к звукам из коридора в ожидании стартового хлопка. Сегодня в расписании Дария три пары, которые начинаются с самого утра, а значит... Шаг первый, дубль третий – «Случайная встреча

в лифте».

Провожу пальцами под глазами, растирая консилер, иправляю волосы, рассыпая кудри по плечам. Оттягиваю ворот белой рубашки, поверх которой надет вязанный жилет, и принохиваюсь. Аромат духов ощущается приятным дуновением ветра, приносящим с собой лепестки сирени, а розовый перец и ментол придают пикантности. Вчера я решила, что наша с Дарием разница в возрасте может стать моим преимуществом, если я превращусь для него в глоток свежего воздуха. У него наверняка богатый опыт, десятки девушек за плечами. Он же старикан приятной наружности, как иначе? Но если Дарий увидит во мне что-то близкое и особенное, то попадетя в ловушку. Одергиваю край серой клетчатой юбки, подтягиваю черные вязаные чулки и еще раз придирчиво разглядываю отражение в зеркале. Ну вроде бы ничего. Скромно и мило, но в то же время игриво и привлекательно.

Повторяю про себя план, чтобы не стушеваться и ничего не забыть. Сначала спокойно приветствую Дария милым голосочком во время поездки в лифте, после демонстративно вызываю такси и с особым страданием остаюсь у подъезда ожидать машину. Ничего лишнего, никаких эмоций и шуток. А если Дарий растает слишком быстро и предложит меня подвезти, то...

«Ни в коем случае! Только на второй раз!» – звучит строгий голос внутреннего редактора. – Причем отказ должен быть смущенный и печальный, словно тебе очень неловко и

стыдно принимать от него помощь. Катя, ты – котенок под дождем, а не голодная пума! Не забывай об этом, пожалуйста!»

Наконец слух улавливает глухой хлопок, боевая готовность на максимум. Жду три секунды и выхожу из квартиры, в этот же момент спина Дария исчезает за поворотом. Торопливо проворачиваю ключ в замочной скважине и бегу по коридору, у поворота замедляюсь и тихо выдыхаю, прежде чем выйти к лифтам. Дарий отрешенно смотрит на горящую кнопку на стене и не спешит обращать на меня внимание. Кажется, кое-кто тоже не в восторге от ранних подъемов. Шагаю ближе, сцепляя пальцы в замок, волнение мешает выдать хоть слово. Дарий снова в образе строгого преподавателя: серые брюки, черный пиджак, гладкие щеки и аккуратная прическа. Даже не знаю, какой стиль идет ему больше.

Двери лифта открываются, Дарий входит первый, а я за ним, тут же отступая в дальний угол.

«Соберись, Катя! Ты должна поздороваться!» – приказывает внутренний редактор.

Сжимаю пальцы до легкого онемения и произношу тише, чем хотелось бы:

– Доброе утро.

Дарий убирает палец с панели, где уже светится кнопка первого этажа, и оборачивается. Его сонный взгляд пробегает по мне, губ касается нежная улыбка:

– Доброе, Катюш. Ты на учебу?

Порывисто вдыхаю, невольно округляя глаза. Чего это он такой миленький с утра пораньше? Мозг еще не проснулся?

– Угу, – отвечаю я и опускаю нос.

Лифт медленно движется вниз, останавливаясь почти на каждом этаже, людей становится все больше. Духота ощущается испариной на коже, а Дарий придвигается все ближе, оттесняемый новыми попутчиками. Смотрю в пол, боюсь пошевелиться. Что же меня так трясет-то, а?

– Чем это пахнет? – слышу приглушенный голос совсем рядом.

– Что? – удивленно переспрашиваю я.

– Духи, – уточняет Дарий. – Это от тебя?

Вот блин! Неужели переборщила?!

– М-м-м... может быть. Это «L Eau par – Kenzo».

«Ты что несешь? Он не спрашивал марку!» – злится внутренний редактор.

Дарий вдруг наклоняется и убирает кудряшки с моего плеча, едва ли не касаясь носом шеи. Его теплое дыхание ласкает кожу, сердце в ужасе замирает. Это что такое? Что за милые домогательства? Кто-нибудь вызовите «Скорую»! Не уверена, что останусь в сознании надолго.

– Приятно. – Дарий выпрямляется и заглядывает мне в лицо: – Похоже на цветы и жвачку.

– Сирень и ментол, – сдавленно отвечаю я.

– Тебе идет, – говорит он вместе с коротким звоночком, который означает остановку лифта.

«План! План! План!» – воет голос внутреннего редактора.

Спohватившись, достаю из бокового кармана сумки телефон и открываю приложение такси, шагая на выход из подъезда. Утренний воздух отрезвляет осенней прохладой, обнимаю себя одной рукой за плечи, чтобы сберечь немного тепла.

– Я тебя отвезу, – уверенно заявляет Дарий. – Идем.

Он проходит мимо и спускается с тротуара на дорогу, а я все стою на месте, отчаянно стараясь собрать мысли в кучу. Почему Дарий ведет себя так, будто...

– Я тоже еду в университет. – Он оборачивается. – Нам по пути.

Мотаю головой, крепче сжимая телефон, и отступаю, выдавливая неловкое:

– Не стоит.

– Такси нужно вызывать заранее, ты опоздаешь.

Мобильный подсказывает неутешительное – «Время ожидания машины 18 минут».

– Поехали, иначе мы оба опоздаем.

Его «мы» звучит так притягательно и волнительно, словно он и я уже близки. Отрываю ногу от земли и делаю первый шаг, голова пустая. Внутренний редактор истерично хлопает дверью каморки, структура плана рушится, а зеленые глаза точно магниты тянут вперед. Дарий довольно кивает и отворачивается, но я успеваю заметить, как его улыбка из добрососедской превращается в хищную. Что, черт возьми, про-

исходит? Что он задумал? К чему все это?

– Садись, Катюш, – говорит Дарий и нажимает кнопку на автомобильном брелке.

Подхожу к задней двери заведенной машины и тянусь к ручке.

– Нет. На переднее сиденье.

– Но...

– Пожалуйста, Катя, садись вперед, – просит он с нарочитой вежливостью.

– Лад-но, – медленно отвечаю я и обхожу машину, а сердце так и норовит проломить грудную клетку.

Опускаюсь на переднее сиденье и закрываю дверь, в теплом салоне автомобиля пахнет лимоном и медом. Похоже, Дарий, как и я, любит приятные ароматы – это плюс. Кошусь на водительское кресло, Дарий уверенно выезжает с парковки, держа обе руки на руле. Он слишком спокойный и добрый, и я не понимаю почему – это минус.

Мозг от недостатка сна туго соображает, но я стараюсь структурировать дальнейшие действия. Нельзя позволить ему загнать меня в угол, нельзя выпадать из образа.

– Не думаю, что сажать меня впереди – хорошая идея, – смущенно говорю я. – Нас могут увидеть.

– Кто?

– Другие преподаватели или студенты.

– И что?

– Ну-у-у... проблем не боишься?

– Тебе ведь уже есть восемнадцать?

– Да.

– Тогда какие проблемы? – снисходительно хмыкает Дарий.

В мыслях вертится десяток ответов по типу – «что еще ты собираешься делать, узнав о моем совершеннолетию?», но я молчу. Да что же это? Откуда внезапная трусость и нелепое смущение? Нервно подергиваю край чулка.

Плотный поток машин движется в сторону городского центра.

– Сколько нам ехать?

– Полчаса, – отвечает Дарий и поворачивается ко мне лицом. – Поэтому я и попросил тебя сесть рядом. Не люблю говорить с тем, кто находится за спиной.

Его уравновешенный тон и полупустой взгляд больше меня не обманут. Он снова смеется надо мной, это же очевидно. Думает, я к нему клеюсь, считает себя королем. Что-то рановато.

– А может, ты боишься удара в спину? – дерзко спрашиваю я.

– Ну вот ты и проснулась, – широко улыбается Дарий. – Доброе утро, Катюш.

Он вновь смотрит на дорогу, включив стариканскую внимательность, а я медленно закипаю. Паническая злоба от потери контроля превращает мой голос в шипение:

– Почему ты так со мной разговариваешь?

– Как именно? – простодушно уточняет Дарий.

– Словно мы знакомы сто лет!

– Мы пили вместе вино, а значит, уже не чужие.

– Но не на брудершафт же!

– Мне заехать в алкомаркет? – нотки веселья в его интонации лопаются на моей коже, как пузырьки с кислотой.

Кто-нибудь потушите мой мозг и пятую точку заодно. Такое чувство, что не я с ним играю, а он со мной! Дарий достает из кармана пиджака «Айкос» и протягивает его мне вместе с коробкой стиков:

– Зарядишь?

– Так вот зачем ты посадил меня рядом. Эксплуататор.

– Кто бы говорил, – усмехается он. – Катюш, мне напомнить, сколько раз ты уже пользовалась мной?

– Я не пользовалась, а просила о помощи.

– Это одно и то же.

По сути да, но вслух соглашаться с ним я не буду. Не заслужил еще. Возвращаю «Айкос», салон наполняется тяжелым запахом ароматизированного табака. Дарий приоткрывает окно и выпускает дым через узкую щель, а я отворачиваюсь к боковому стеклу. Пальцы продолжают теревить край чулка, нужно срочно что-то придумать. Дарий сам вышел на контакт, ведет себя почти мило. Может, я уже ему нравлюсь? Стараться не нужно? Все так просто?!

– Я заставляю тебя нервничать?

– С чего ты взял?

– Твои пальцы. – Дарий кивает на мои бедра, поверх которых лежат беспокойные руки. – Первый признак того, что человек нервничает – резкие повторяющиеся движения.

– Ты психолог или информатик?

– Я просто наблюдательный.

Ах так? Хорошо. Я принимаю вызов, мой наблюдательный старикан. Адреналиновый всплеск от неожиданного поворота событий отпускает, мозг вновь работает в нужном направлении.

«Котенок, Катя! Ты котенок!» – напоминает внутренний редактор.

Обхватываю ладонями колени, чуть сгорбившись, чтобы показать, как сложно мне сейчас подбирать слова. *Готовьтесь к нокауту, Дарий Викторович, такой чистой невинности вы еще никогда не видели.*

– У нас вышло очень... – Прикусываю нижнюю губу и опускаю взгляд. – Очень странное знакомство. Я поцеловала тебя, а ты оказался моим преподавателем. Теперь еще и соседом. Все это... м-м-м...

Заправляю волосы за уши и легонько касаюсь пальцами шеи и подбородка. Дарий молчит, но я чувствую, что его внимание полностью принадлежит мне. Наивный старикан.

– Мне стыдно за все, что случилось. Очень.

– Да ладно, Катюш? Неужели извинения?

– Не смейся! – с детской обидой прошу я. – Мне правда стыдно! Столько обстоятельств, одно за другим. Ты навер-

няка думаешь, что я чокнутая.

«И он не слишком уж ошибается», – хихикает внутренний редактор.

– Я так не думаю. А насчет всего остального... может быть, это судьба.

Поднимаю голову, на лице Дария ни грамма веселья. Ух ты! Неужто и правда получилось? Поговорим о судьбе? Я только за.

– Ты в нее веришь?

– Скорее да, чем нет, но это не значит, что я с ней во всем согласен.

Фраза кажется знакомой и понятной. Она касается души и вызывает прилив тепла к сердцу. Искренне улыбаюсь и забываю об актерстве:

– Хороший ответ.

Светофор впереди наконец-то загорается зеленым, машина набирает скорость, но не превышает допустимый предел. Мои плечи расслабленно опускаются, напряжение, кажется, остается в пробке позади. Пейзажи осеннего города проносятся мимо, а из колонок звучит песня «Missy Elliott – Work it» как напоминание, кто сидит сейчас рядом. Стари-кан! Прячу тихий смешок, потирая пальцами нос, но это не останется незамеченным. Дарий приподнимает бровь, с превосходством глядя на меня:

– Не нравится моя музыка?

– Что ты? – Я взмахиваю ладонью. – Отличная песня...

проверенная временем.

Едва сдерживаю смех, а Дарий переключает музыкальную дорожку, но это не улучшает его положения. Качаю головой под бит, и меня осеняет.

– Я знаю этот трек! Видела кусочек в «Хайп-Свайп»! Там еще в клипе разговаривала сова! Forever, forever ever? Forever ever? – напеваю я.

– Да, – отвечает Дарий. – Это Ms. Jackson от Outkast, но, если хочешь, я включу тебе Моргенштерна.

– Оставь как есть. У тебя неплохой вкус.

– Неплохой? – с вызовом спрашивает он и снова меняет музыкальный трек.

– О нет! Не может быть! – восторженно вскрикиваю, получив разряд ностальгии прямо в грудь. – Это же Nelly Furtado! Моя троюродная сестра обожала ее. Как сейчас помню ее бешеные танцы перед телевизором, когда крутили клипы по «MTV»!

Качаюсь из стороны в сторону, коряво подпевая словам. Дарий крепко держит руль, изредка поглядывая на меня, и кажется, я замечаю в его глазах тусклые искорки умиления. Все-таки мой план работает отлично, пусть и с мелкими корректировками. Единственное, что смущает – бешено колотящееся сердце, но это можно списать на нервы и классную музыку из двухтысячных, которая сопровождает нас до самого универа. Я даже опомниться не успеваю, как Дарий паркует машину и глушит мотор. Удивительно, что с его суперпра-

вильным вождением мы приехали за двадцать минут до начала первой пары.

– Спасибо, что подвез, – говорю я бодро, потому что дикие танцы разбудили каждую клеточку в организме.

– А тебе спасибо за концерт, – усмехается Дарий.

Хлопаю ресницами, прижимая ладонь к щеке:

– Всегда пожалуйста. Можешь отправить цветы и подарки в мою гримерку.

– Обязательно. Розы или ромашки?

– Лилии. Желательно белые. И никаких гвоздик и конфет с марципаном!

– Я запомню, – отвечает Дарий, не отпуская мой взгляд.

Вот черт, снова гипнотизирует! Глазищи у него, конечно, магические. Распахиваю дверь и выхожу на улицу, поежившись от холодного ветра. Дарий ставит машину на сигнализацию и смотрит на меня поверх крыши автомобиля:

– Тебе в какой корпус?

– В первый, – отвечаю я и оглядываюсь по сторонам.

Сегодня такой хороший день, вот бы еще и Таню с Нелей встретить. Они же умрут от зависти!

– Тогда идем. – Дарий обходит машину. – Мне нужно заскочить в деканат.

Да мне и правда везет! *Идем, мой милый старикан, соперницы ждут!* Едва не подпрыгивая от воодушевления и радости, шагаю рядом с Дарием. Уверена, мы сейчас похожи на строгого папашу и его непутевую дочь-первоклашку.

Поднимаемся по ступеням, Дарий открывает правую створку двери, а я толкаю левую. Воспитания определенно не хватает, но сейчас можно простить ему все что угодно. В конце концов, замуж за него я не собираюсь.

«*Не зарекайся, Катюш*», – язвительно хмыкает внутренний редактор.

Шумный холл кишит студентами, бегло сканирую лица в поиске ненавистных, но сейчас таких желанных. Нели и Тани нигде не видно, зато другой кошмар тут как тут. Всего мгновение, и мира вокруг не существует. Рома стоит в компании друзей на широких ступенях лестницы, что ведет к пропускному пункту. Наши взгляды сцепляются, точно крючки, а горло сжимает удушающая печаль. Мы не виделись около месяца, я даже была согласна потерять все вещи, что оставила у него, лишь бы избежать этого столкновения. Ну как?! Как я могла забыть, что по понедельникам нельзя входить в первый корпус через главный вход?!

Бывший возлюбленный медленно спускается по ступеням. Он совсем не изменился, а ведь было бы легче, если бы у него вырос второй нос или кожа покрылась черными бородавками. Не мог он хотя бы полысеть ради приличия?! Рома небрежно поправляет волнистые русые волосы, что уложены назад, в ухе блестит штанга из белого золота. На нем синие джинсы, которые мы вместе выбирали в конце весны, а потом еще долго целовались в примерочной, и гребаный черный свитер с красными полосами, в котором я ходила по его

квартире прошлой зимой. Судьба, ну за что же так жестоко?!

На секунду отворачиваюсь, справляясь с эмоциями. Внутренний редактор, как назло, молчит, а сердце кричит что есть сил: «Беги, Катя! Пожалуйста, беги!» Прости, сердце, но я не могу... не могу пасть так низко. Приподнимаю подбородок, смело встречая Рому. Он останавливается передо мной на расстоянии вытянутой руки и криво улыбается, скользя взглядом сверху вниз. Разговоры вокруг становятся тише, слышатся только шиканья и мерзкие: «Смотри! Смотри!»

– Привет, кис, а я, оказывается, скучал, – говорит Рома с уже привычными и даже родными нотками надменности.

– А я нет, – отвечаю холодно, хотя внутри все горит, а едкий дым забивает нос.

– Ты хотела вещи забрать. Я все жду.

– Можешь подарить их своей новой подружке.

Рома недовольно дергает бровями и кривится, раздувая крылья носа:

– Вот че ты бесишься сразу? Мы можем нормально поговорить хоть раз?

– Вряд ли.

– Кис... – произносит Рома тише и шагает ближе, – не начинай.

Всего на секунду, но мне хочется поддаться. Послать все обиды к черту, забыть о том, что случилось. Это ведь так просто и... глупо!

– Ты весь месяц речь писал? – дерзко ухмыляюсь я. – В перерывах между...

– Да нет у меня никого, – нервно перебивает он.

– Так найди! Или тебе помощь нужна? Забыл, как в «Тиндере» зарегистрироваться? Погугли.

Его светлые глаза вспыхивают ярким огнем злости. Я, конечно, могу его потушить, за год научилась, только вот... с чего бы? Пусть злится. Может даже башкой о стенку стукнуться, всем полегчает.

– Давай встретимся после пар и поговорим без лишних ушей, – серьезно заявляет Рома. – Хватит уже. Я все понял.

С губ срывается тихий выдох, на перепалку нет сил. Рома слишком близко, а рана еще не затянулась. Хорошо бы развернуться и уйти, но я не могу заставить себя сделать даже один шаг назад. Рома склоняет голову, и теперь вместо злости в его взгляде лишь чувственная нежность, выкручивающая руки:

– Кис... я...

Он не заканчивает фразу, но мне это и не нужно. В груди жжет, слезы подступают. Неужели он скучал? Правда? Челюсть сводит, ногти впиваются в ладони. Нет! Черт возьми, нет! Я видела, как он провел выходные. Ему попросту было некогда!

– Мне нужно... нужно ид...

– Я приезжал к тебе. Соседка сказала, что ты съехала. Куда?

– Зачем? – голос подводит, становится глухим и жалким. Крепче сжимаю кулаки и произношу увереннее: – Зачем ты приезжал?

– А ты как думаешь?

– Нам не о чем говорить, Ром. Больше не о чем.

– Кис, на нас все таращатся. Давай мы обсудим это...

Рома вдруг замолкает, глядя поверх моего плеча. Кто там? Ангел мести, Танос, атакующий титан? Я была бы рада любому из них, потому что не могу спастись в одиночку. Оборачиваюсь и вздрагиваю.

– Я кое-что забыл, Катюш, – ухмыляется Дарий.

Он наклоняется, касаясь ладонью моей шеи. Большой палец ложится на щеку, мешая отвернуться. Приоткрываю рот от удивления, но не успеваю ничего сделать или сказать, потому что поцелуй стирает реальность в пыль.

Глава 5

Прикосновение горячих губ выбивает почву из-под ног и лишает кислорода. Ладонь на лице не оставляет выбора, тишина оглушает. Хватаю Дария за плечо, чтобы отыскать точку опоры, и подчиняюсь. Дарий поглаживает пальцами мою щеку и прихватывает нижнюю губу. Его теплое дыхание приносит с собой толпу мурашек и разгоняет кровь по венам, точно вереницы болидов на гоночной трассе. Всего несколько секунд полета под бешеный стук сердца, до сухости в горле, до желания большего. Не понимаю, зачем он это делает, но и воспротивиться не могу. Все именно так, как написано в моих любимых романах. Неожиданно и прекрасно, в тот самый момент, когда было необходимо больше всего.

Дарий неторопливо отстраняется, и я открываю глаза, чтобы унести в магический зеленый лес, полный тайн и загадок. Он кажется брошенным и опустевшим, но там наверняка есть все: феи и демоны, русалки и чудовища. Я их слышу. Крики и истошный вой из глубин зарослей и могучих деревьев гремят в ушах. Знать бы, какой нечисти больше: доброй или злой. Разобраться бы, какое из племен интересно мне больше всего.

– Увидимся позже, Катюш.

Сердце замирает, и Дарий шагает назад, убирая руку с моего лица. Боюсь смотреть по сторонам, не хочу показывать

уязвимость и растерянность, поэтому перевожу взгляд сразу на Рому. Его нахмуренные брови и сжатая челюсть не обещают ничего хорошего.

«*Катапультируемся! Сейчас рванет!*» – объявляет внутренний редактор.

Приказываю мышцам ожить, ноги несут к пропускному пункту, а студенческий билет обеспечивает беспрепятственное проникновение на территорию учебного корпуса. Сво-рачиваю налево, скрываясь от любопытной толпы, но яркий сигнал интуиции заставляет обернуться. Ловлю Дария, остановившегося у противоположной лестницы, и беззвучно произношу всего три буквы, выражающие все мои чувства: «WTF!» Он беспечно пожимает плечами, а его улыбка, приправленная дьявольским азартом, дезориентирует лишь сильнее. В недоумении качаю головой и уже собираюсь сделать шаг вперед, чтобы подойти ближе и во всем разобраться, но из-за поворота слышу приближающийся голос Ромы. Нет уж, нервы дороже!

Круто разворачиваюсь и взлетаю по ступеням на третий этаж, петляю по коридорам и добираюсь до дальнего крыла. Останавливаюсь перед высокой двустворчатой дверью, покрытой бесчисленными слоями белой краски, и облегченно выдыхаю, открывая ее.

– Здравствуй, Катенька, – ласково говорит заведующая художественным отделом университетской библиотеки.

– Здравствуйте, Мирослава Яковлевна.

– У тебя лицо красное! Заболела? – взволнованно спрашивает она и надевает круглые очки. – Может, тебе в медпункт?

Прижимаю ледяные ладони к горящим щекам и бормочу:

– Нет-нет, все хорошо. Это, наверное, от ветра.

– Осень в этом году злостная, тут не поспоришь, – отвечает она, поправляя высокий ворот красного свитера. – Ты за чем-то конкретным? Помощь нужна?

– Нет, спасибо. Я сама справлюсь.

– Хорошо, – кивает заведующая и опускает нос в раскрытую книгу.

Брожу между набитых до отказа стеллажей и снимаю с полки книгу, даже не глядя на корешок. Дышу полной грудью, запах старых страниц и сладкой пыли действует как десять шоколадок. Подхожу к пустому столу у окна, сажусь на скамейку и облизываю губы. Зачем Дарий это сделал? Снова захотел помочь или... Каков мотив? Что он получает? Не понимаю, не могу связать все нити. Стоит признать, Дарий не похож на импульсивного глупца. Наоборот, все, что он делает, напоминает... Меня? Мои шаги? Да ну, бред какой-то, он же взрослый мужик. Значит, это все-таки рыцарский жест. Точно! Дарий знает о моем разбитом сердце, а когда увидел меня с Ромой, то сложил два плюс два. Все логично. Получается, мы с ним... Кто? Друзья? Напарники? Соседние балконы и вино так сближают? Сомнительно, но все происходящее не так плохо. Я продвигаюсь вперед, хоть и сама для

этого почти ничего не делаю.

Прижимаю тыльную сторону ладони ко рту, вспоминая поцелуй. Не сказала бы, что он был дружеский или спасительный. В нем чувствовалась страсть и желание, как тягучая горячая карамель, которую ты хочешь попробовать, но боишься обжечься. Короткий сигнал выдергивает из раздумий, достаю из сумки телефон и удивленно таращусь на новое сообщение. Это было бы даже смешно, если бы я не пребывала сейчас в таком замешательстве.

**белое сердце*: «апладирую стоя»*

Закатываю глаза, заметив ошибку. Как много недостатков мы прощаем, когда влюблены.

**белое сердце*: «не ожидал что ты так быстро найдешь себе кого-то»*

**белое сердце*: «отвечать не собираешься?»*

**белое сердце*: «че за игнор кис?»*

**белое сердце*: «я просто хочу тебя поздравить»*

Беззвучно хмыкаю. Поздравить? Как же! Рома хочет подлатать уязвленное эго, услышав мои оправдания. А вот и не угадал!

Катя: «Во-первых, правильно пишется «апладирую», а во-вторых, моя личная жизнь больше не твое дело, но спасибо за поздравления»

**белое сердце*: «мы так и не поговорили»*

Катя: «Думаю, мы оба это переживем»

**белое сердце*: «какая ты дерзкая!»*

Катя: «У тебя научилась»

**белое сердце*: «и не только этому*подмигивающий смайлик* ну как? новенькому понравилось, чему я тебя научил? или ты пока что не все фишки продемонстрировала?»*

Катя: «Ооо, он в восторге, не волнуйся. Хочешь, напишу тебе рекомендательное письмо? Будешь его малолеткам своим показывать, прежде чем в койку тащить!»

**белое сердце*: «я правда скучаю по тебе кис... даже по нашим разборкам»*

Переворачиваю мобильный и вжимаю его экраном в стол. Я не хочу этого знать! Телефон жужжит один раз, второй. Зажмуриваюсь, уговаривая себя не вышвыривать мобильник в окно. Я не собиралась втягивать в эту заварушку Рому, моя броня еще слишком тонкая, чтобы вступать с ним в открытый бой, и все же... его реакция льстит. Да, она собственническая, но вместе с этим подтверждающая, что ему не все равно. Что он любил меня, а может, и до сих пор любит. Открываю диалог, грусть давит на затылок, растекаясь тяжестью по плечам.

**белое сердце*: «я тебя никому не отдам»*

**белое сердце*: «*белое сердце*»*

Этот дурацкий смайлик стал символом наших чувств, первым признанием, которое я получила. Таким, казалось бы, несерьезным, но большим и значимым для меня. Блоки-

рую телефон и смотрю на книгу. Здравствуйте, Федор Михайлович. Провожу пальцами по старой твердой обложке, обводя название: «Идиот». Жаль, что не «Идиотка», было бы точнее. Беру книгу и возвращаю ее на полку, дохожу до стеллажа с зарубежными писателями и замираю в раздумьях. На первую пару я уже все равно опоздала, настроения обдумывать дальнейшие шаги нет, а значит, самое время прикоснуться к прекрасному. К чему-то мягкому и возвышенному, трогательному и вечному. Взгляд падает на знакомое имя, пальцы тянутся к книге – Эрих Мария Ремарк «Приют Грез».

– Она пряталась в библиотеке от злых взглядов, скрывала душу за желтыми страницами старой классики и мечтала о любви-и-и... – разносится рядом кривляющийся истонченный голос.

Тоша кружится на месте возле стола, сложив руки лодочкой будто балерина.

– Она боялась лжи, но лгала всем вокруг. Она любила читать и презирала подруг.

– Хорош! – усмехаюсь я, закрывая книгу.

– Она была всех милей, но ночами точила ножи. Она сожрет всех коней, а принцев запустит в полет над пропастью во ржи-и-и!

– Хватит, – умоляю я, опуская ладонь на напряженный живот. – Здесь нельзя шуметь.

Тоша широко улыбается и падает на соседний стул, легким взмахом головы поправляет пышные рыжие кудри и на-

клоняется вперед, всматриваясь мне в глаза.

– Что? – недовольно спрашиваю. – Я не прячусь, просто зашла почитать.

– Да, да, да, – насмешливо отвечает Тоша и подпирает щеку ладонью.

– Все очень плохо? – вздыхаю я.

– С чего ты взяла?

– С того, что ты пришел сюда.

– Я вообще-то писал тебе.

Спохватившись, снимаю блокировку с телефона и приоткрываю рот.

– И звонил, – добавляет Тоша. – Раз двадцать.

– Да, я вижу, – отвечаю монотонно.

– Как ты заставила Дария это сделать?

– В том-то и дело. Это была не моя идея.

Тоша прищуривается на мгновение, а после удивленно поднимает брови:

– Он сам тебя поцеловал?!

Рассказываю другу о сегодняшнем утре, и чем больше говорю, тем крепче убеждаюсь, что все происходящее выглядит как сценарий. *Не мой сценарий.* Тоша в недоумении трясет головой, а я развожу руками:

– Ну вот, как-то так.

– Зачем он это сделал?

– Иди и спроси у него!

– А вот и спрошу! – смело заявляет Тоша. – А лучше мы

вместе. Устроим допрос с пристрастием!

Сдавленно усмехаюсь и смотрю в потолок, тяжело вздыхая:

– Новость уже разлетелась?

– Она не такая громкая, как недавно найденная плесень в бассейне, но...

– Хорошо.

– Хорошо? Хорошо?! Что здесь хорошего, Катя?!

– Все идет по плану. Неля и Таня наверняка уже в курсе, а значит... продержусь еще пару недель, и победа за мной.

– А как же Рома? Он ведь не отстанет, и ты это понимаешь.

– Постараюсь больше не попадаться ему. Мой новый адрес он не знает, так что...

– Кать, я волнуюсь за тебя, – со всей серьезностью заявляет Тоша. – Дарий Викторович, кажется, не так прост, как ты думаешь. Все это странно. Очень странно!

– И эти странности играют мне на руку.

– А что, если?..

Тоша замолкает, и я встречаюсь с его настороженным взглядом.

– Что, если он маньяк? – уточняю я.

– Типа того.

– Тогда-а-а... – тяну задумчиво. – Я хочу черный матовый гроб и венок из белых лилий.

– Что ты несешь?! – не на шутку распаляется друг.

– Тош, – ласково произношу я, – угомонись. Дарий нормальный мужик. Скорее всего, он решил подыграть мне, как и тогда, в первый раз. Он поцеловал меня без языка, в конце концов!

– Этим ты его оправдываешь? Оргазм без использования члена тоже входит для тебя в ряды милых шалостей?

– Нельзя говорить это слово в библиотеке, – шикаю я.

– Какое именно? – усмехается Тоша.

Тихо смеемся, но веселье рассеивается за пару хлопков ресниц. Тоша вновь серьезен и напряжен, его пристальный взгляд давит, и я устало опускаю голову.

– Кать, зачем тебе все это? Может, пора остановиться? Девкам ты нос уже утерла, а Рома...

– Не могу, – отвечаю я твердо.

– Ну почему?!

– Ты знаешь, я уже объясняла. Ничего не изменилось, и сегодняшняя встреча с Ромой тому подтверждение. Если бы Дарий не появился, я согласилась бы на разговор. Черт возьми, я и сейчас этого хочу!

– Кать, даже если вы снова сойдетесь, ты не увидишь ничего нового.

– Не факт! – с болью в сердце протестую я. – Люди меняются. Не так, как этого хочется окружающим, но все же... они делают выводы, пересматривают отношение к разным вещам и... – Горький смешок слетает с губ. – Как жалко я звучу. Самой противно.

– Я могу чем-то помочь? – печально спрашивает Тоша.

– Отвезешь меня домой?

– Конечно, поехали.

Достаю из микроволновки китайскую лапшу, ароматный пар ударяет в лицо запахом морепродуктов, водорослей и специй. Запрыгиваю на кухонную тумбу, скидывая с ног тапочки, накручиваю лапшу на вилку и дую в коробку, выгоняя пар. Из динамиков ноутбука, что стоит на подоконнике, звучит трек «Бу Индия – Люби меня так», и я с аппетитом поглощаю ранний ужин, обдумывая следующие шаги. Деталька по имени Рома никак не вписывается в мой план, а его сообщения рвут и без того покалеченное сердце на части. Он пишет до сих пор, хочет встретиться, даже пару угроз прислал из разряда: «я все равно тебя найду». Это одновременно страшно и приятно. Он хочет все вернуть, только вот... зачем это мне? Тоша прав, вряд ли что-то изменится. А если все останется прежним, то следующего расставания не избежать. И так по кругу до бесконечности. Слезы, раны, обиды. Не хочу больше этого, но и сейчас не легче.

За стеклянной дверью виднеется белый солнечный диск, стремящийся утонуть в мягких облаках, что окутали верхушки соседних домов. Боковые жалюзи я открыла еще час назад, но за это время так и не решилась выйти на балкон. Нам с Дарием нужно поговорить, я это понимаю, но пока слабо представляю вайб этой встречи. Мне наехать на него? Поблагодарить? Смущаться или ругаться? Не знаю! С одной

стороны, он помог мне, а с другой – только усугубил ситуацию.

Рома всегда был ревнивым до чертиков, хотя я никогда не давала особого повода. Он даже с Тошей запретил мне общаться, и никакие объяснения не помогали сгладить эту ситуацию. Мне никогда не нравилась ревность, ни в жизни, ни в книгах. Возможно, ее метод эффективен, но я считаю его неинтересным и унижительным для третьего лишнего. Особенно если этот третий не в курсе, что его используют. Ну почему все вышло из-под контроля? Это я виновата? Хотела поскорее выиграть спор, а в итоге...

Неожиданный перезвон дверного звонка бьет по мозгам, и я вздрагиваю, прикусив язык. Прикрываю рот, тихо ругаясь, и прыгиваю на пол. Оставляю лапшу на тумбе и плетусь в коридор. Кажется, гора сама пришла к Магомеду и сама же определила настроение. Смотрю в зеркало, проверяя внешний вид: домашний костюм из ярких лосин и футболки, на голове пучок, естественный макияж придает лицу свежесть. *Я ждала тебя, мой спонтанный старикан!*

Распахиваю дверь и замираю, ощутив нестерпимое жжение в висках.

– Что ты здесь делаешь? – хрипло выдавливаю я.

Мать недовольно кривит губы и пытается заглянуть мне через плечо:

– Так и будешь держать меня на пороге?

– Не помню, чтобы звала тебя в гости.

– Мне не нужно приглашение, чтобы навестить дочь.

Вздыхаю и отступаю в сторону, потому что точно знаю, этот бульдозер уже не остановить. Натертые до блеска бордовые туфли переступают порог моего дома. Такое вторжение в личное пространство будто комок грязи, размазанный по лицу. Мать проходит в центр небольшой комнаты и обводит оценочным взглядом пространство, задерживая внимание на самых грязных уголках. Мышцы ее лица, замороженные инъекциями красоты, напрягаются, и она складывает руки на груди.

– Почему ты не отвечаешь на мои звонки?

Не знаю что сказать. Любое слово приведет к ссоре, а я предпочла бы закончить сегодняшний день без скандалов и криков. Подхожу к ноутбуку и закрываю крышку. Музыка останавливается, и комната погружается в напряженную тишину.

– Катя, так нельзя, – сурово произносит мать.

– Как именно? – устало спрашиваю я.

– Нам нужно поговорить.

– Всем нужно со мной поговорить, да я просто звезда, – бурчу под нос, шагая в кухонную зону, и беру коробку с лапшой.

– Не паясничай, – сердито приказывает мать. – А это еще что? Отец сказал, ты на правильном питании.

– Вы обсуждаете меня? – хмыкаю я, накручивая на вилку лапшу. – Вот это новость.

– Прекрати. Я пришла не для того, чтобы ругаться с тобой.

– Для того чтобы нам не ругаться, тебе вообще не следовало приходиться.

– Катя! – повышает она голос.

Поднимаю голову с болезненным отрешением. Развод изменил ее, и положила руку на сердце могу сказать, что в лучшую сторону. Модная прическа, блестящие волосы на пару тонов светлее, чем раньше. Заметна работа косметолога и стилиста. Мать выглядит как успешная женщина, знающая себе цену. Неудивительно, что пару месяцев назад они с отцом вновь решили сойтись. Все-таки он любит ее, когда-то он сам ее выбрал, но я-то нет. Я не выбирала ее своей матерью, не просила меня рожать, даже любить не просила. Единственное, чего я хочу, так это чтобы она оставила меня в покое.

Мать раздраженно вздыхает, постукивая носком туфли по паркету:

– Ты не хочешь здесь прибраться?

– Нет.

– Катя, это свинарник, а не квартира! Сколько раз тебе повторять, что...

– Тогда и я повторю, – перебиваю решительно, – тебя никто не приглашал.

Запихиваю в рот огромный моток лапши, чтобы на время лишиться себя возможности говорить гадости, но не уверена, что это сработает.

– То есть вот так, да? Так ты платишь мне за то, что я для тебя сделала? Растила, кормила, одевала...

– Отчитывала, наказывала, критиковала, – дополняю я список.

Она глубоко вздыхает и прикрывает глаза. Пытается держать себя в руках? Я тронута.

– Мы с отцом снова хотим расписаться, – цедит она сквозь зубы. – И ты должна...

– Я тебе ничего не должна. Хотите снова портить жизнь друг другу – ваше право. Мое благословение для этого не нужно.

– Конечно! – взрывается мать, хлопая себя по бедрам. – Ты у нас никому ничего не должна! Как я могла вырастить такую эгоистку?! Как?!

Отставляю коробку с лапшой, сжимаю кулаки, впиваясь ногтями в ладони, и понимаю, что уже не могу себя контролировать. Не с ней, не тогда, когда она смотрит на меня, как на царяпину, появившуюся на свежем маникюре. Слишком большая обида, слишком широкая пропасть между нами, наполненная кипящей злостью.

– А кто, думаешь, был моим примером для подражания? – ядовито выплевываю я. – Ты приказывала мне вытирать пыль каждые три часа, заставляла есть ненавистные продукты, обесценивала мое творчество, запрещала самовыражаться и контролировала каждый мой шаг! Это я еще и эгоистка?! Серьезно?! Ты хотела сломать меня, превратить в

послушную марионетку, которая прожила бы еще раз твою чертову жизнь, но я никогда ею не стану. Не надейся!

– Я хотела, чтобы ты не допускала моих ошибок, Катя! Хотела как лучше!

– Но они мои, ясно?! Мои ошибки, а не твои! И жизнь тоже моя!

Она поджимает губы и отворачивается. Тяжело вздыхаю и опускаю нос. Я словно вернулась на пару лет назад в свою комнату, в то время, когда родители еще не развелись. Тогда наши разборки с матерью были абсолютной нормой. Каждый день я получала от нее список дел, а вечером все равно выхватывала за криво сложенные полотенца или недоеденный суп.

– А это еще что?! Катя, ты куришь?! – Мать рывком распаивает балконную дверь и хватает с подоконника пачку сигарет, сжимая ее в ладони. – Что ты творишь?! Последние мозги растеряла?!

Едко усмехаюсь, глядя на ее сумочку. Больше чем уверена – там лежит то же, что она держит в руках.

– Она еще и улыбается! Ты посмотри! – яростно выпаливает мать. – Гробит свою жизнь и стоит довольная!

Склоняю голову, не обращая внимания на разгоряченный сгусток лавы, обволакивающий сердце:

– Это все?

– Нет! Не все! – кричит она и открывает окно.

Пачка сигарет летит вниз, мать оборачивается и воин-

ственно приподнимает подбородок. Хорошо знаю эту стойку и готовлю ментальный щит.

– Значит, так, Катя. Два года я тебя не трогала, и посмотри, в кого ты превратилась. Живешь в бардаке, связалась непонятно с кем. А в университет ходишь, только чтобы юбки свои ужасные носить. Твоя успеваемость ниже среднего, это недопустимо!

Она что, следила за мной? Тело напрягается, ощущая угрозу, страх сковывает каждую клетку. Глаза матери темнеют, на лице появляется победный оскал:

– Да, да, моя дорогая, я знаю все о твоей жизни. То, что мы не общались, еще не значит, что я оставила тебя без присмотра. Шутки закончились, теперь...

– Теперь ты уйдешь отсюда, – говорю я не моргая.

– И не подумаю! Ты будешь меня слушаться, хочешь этого или нет! Мы с отцом снова вместе, снова семья, и я не допущу, чтобы наша дочь...

– Пошла вон! – не сдержав порыв, выкрикиваю я.

– Вот как ты заговорила? Хорошо, – прищуривается она. – Я скажу отцу, чтобы он перестал посылать тебе деньги. Раз ты уже такая взрослая, решай свои проблемы сама!

– У меня нет проблем, кроме матери, которая возомнила себя богиней и требует поклонения! – верещу я, крепко зажмурившись.

– Знаешь что?!

Ее вопль тонет в грохоте музыкальных басов, через сте-

ну доносятся громкие слова песни «Канги – Вали». Нецензурная строчка припева, отправляющая по всеми известному маршруту, вызывает у меня широкую улыбку.

– Обожаю своих соседей.

Мать нервно передергивает плечами и возвращается в комнату. Певец все продолжает гнуть свою линию, посылая нежеланную гостью куда подальше, но она не торопится уходить.

– Я не шучу, Катя.

– Мой сосед тоже, – весело отвечаю я.

– Думаешь, это смешно?

– Думаю, тебе пора.

Мать презрительно хмыкает и шагает к входной двери, окутывая меня порывом воздуха с ароматом ее приторно-сладких духов. Хватаю коробку с лапшой и опускаю в нее нос, чтобы перебить запах человека, которого я всей душой ненавижу. Громкий хлопок сотрясает стены, и я опускаю плечи, наконец почувствовав себя в безопасности. Прижимаю ладонь к груди, чтобы успокоить сердцебиение, и проглатываю колючий ком в горле. Сегодня какой-то день битв и страданий? Судьба, ты хоть бы предупредила: выпустила черную кошку, скинула мне на голову обломок кирпича или прислала гороскоп с предостережением – никому не открывать дверь.

Музыка через стену все еще грохочет. Усмехаюсь и шагаю к двери на балкон, чтобы остановить концерт, иначе Дарий

может получить тысячу и одну жалобу от остальных соседей. Кожа покрывается мурашками при встрече с вечерним воздухом, закрываю распахнутое окно и поворачиваюсь к торцевой части балкона. Дарий поднимается с кресла с планшетом в руках и бегло тарабанит пальцами по экрану. Музыкальный фон меняется, теперь на весь дом звучит припев песни Кипелова «Я свободен». Заливисто смеюсь и подхожу к окну, что выходит на балкон Дария, открываю створку и жестом показываю соседу сделать то же самое.

Дарий убавляет звук музыки и выполняет просьбу, выглядывая на улицу. Его темные волосы треплет ветер, глаза светятся превосходством, не требующим доказательств и подтверждений, а смуглую кожу нежно целует заходящее солнце. Не знаю почему, но сейчас он кажется еще привлекательнее, чем прежде. Может быть, это от того, что он дважды за сегодня без особых на то причин встал на мою сторону и попытался помочь, а может... от того, что он смотрит на меня так, будто видит перед собой кого-то удивительного.

Заправляю за ухо короткую кудряшку, запутавшуюся в ресницах, и улыбаюсь:

– Теперь я смело могу заявить, что обожаю твой музыкальный вкус.

– Мама оценила?

– Она никогда не забудет этот трек.

– Что ж, я рад, – безэмоционально бросает Дарий.

От его взгляда дыхание тяжелеет, тепло поднимается от

шей к лицу. Он чего-то ждет, хоть и не показывает это открыто, но я ведь догадливая, сама все понимаю.

– Простым спасибо я не обойдусь, верно?

– Уже точно нет. – Лукавая ухмылка касается его губ.

Дарий снова рассматривает меня, будто слой за слоем снимая лживые оболочки. Дарий Викторович что-то задумал, вижу это по теням, что гуляют в его глазах, но пока не могу решить, как реагировать. Игра продолжается, и трудно сказать, кто теперь во главе.

– Чего ты хочешь? – деловито спрашиваю я.

Дарий пожимает плечами и демонстративно задумывается. Тянет время? Изводит меня? Ну что за вредный старикан!

– Помощи в ответ, – наконец отвечает он, не спеша раскрывать карты.

«Соберись, Катя! Соберись! Тебе не надоело проигрывать? Зажги его, выведи на эмоции, покажи свои!» – негодует внутренний редактор.

– Все что угодно для моего спасителя, – язвительно говорю я.

Дарий прищуривается, явно не оценив мои метаморфозы, отклоняется и показывает указательный палец, намекая подождать его одну минуту. Супер! Можно передохнуть и подумать! Что бы Дарий ни предложил, я должна принять это с достоинством. Да, именно так! Смотрю во двор: мать садится за руль отцовской машины и громко хлопает дверью.

Мысли тянутся к папе, холодное прикосновение печали ощущается в районе груди. Как сильно нужно любить человека, чтобы терпеть все, что терпит он? Как сильно нужно ненавидеть себя для этого?

– Кхм-кхм, – слышу недвусмысленное покашливание.

Поднимаю взгляд, Дарий держит в руке бутылку розового вина.

– У меня есть это, но нет еды, – говорит он.

В мыслях проносятся сюжеты книг, где главной движущей силой сюжета является прислуживание одного героя другому из-за глупых обстоятельств. Не самый худший исход, так я смогла бы подобраться к Дарию еще чуть ближе, но... Быть девочкой на побегушках? Нет, не мой вариант.

– Могу предложить половину коробки китайской лапши, правда, уже без креветок. И накину пачку соленых крекеров с сыром.

– Подойдет, – кивает Дарий.

Так просто? И это все?! Оторопело хлопаю ресницами, чувствуя, как у меня снова отбирают право быть главной.

– Ладно. Сейчас принесу.

– Нет. Открой мне дверь.

Сердце сжимается, Дарий с вызовом приподнимает бровь и показывает еще одну бутылку вина. Тяжело сглатываю, уже предчувствуя, что вечер точно будет непростой, но наверняка интересный. *Ну что ж, мой милый и загадочный старикан...*

«...мы принимаем вызов», – воодушевленно заканчивает внутренний редактор.

Глава 6

Сажу на кровати и удивленно наблюдаю, как Дарий расхаживает по квартире после серьезного заявления прямо с порога: «Я все сделаю сам». Он приносит с балкона матрас, покрывало и подушки и устраивает себе лаундж-зону рядом с холодильником, разливает по бокалам вино, высыпает крекеры в две тарелки и повторно разогревает в микроволновке лапшу. В нем совсем не чувствуется напряжения или хоть капли смущения, ведет себя так, словно пришел домой. И есть в этом что-то завораживающее, когда мужчина не ждет от тебя поклонения и заботы, даже будучи гостем. *Самостоятельный старикан, мое почтение.*

Беззастенчиво разглядываю Дария, пока еще могу это делать незамеченной. Широкая черная футболка с заломами в виде креста на груди и спине говорит о том, что он, хвала всем богам, не педант, а отсутствие комментариев насчет чистоты и порядка это только подтверждает. Темно-зеленые спортивные штаны слишком свободные, чтобы насладиться видом прекрасных ягодичек, но это не мешает мне представлять, какая красота находится под мягкой тканью. Чуть включенные волосы и домашние тапочки, в которых Дарий пришел, придают ему еще больше уютного очарования, и только глаза, так похожие на окно в таинственный мир, не позволяют расслабиться. Мы на моей территории, но я по-

чему-то чувствую себя так странно, будто попала сюда впервые.

Дарий берет стакан вина и тарелку с крекерами, направляется ко мне и протягивает напиток, гипнотизируя прямым и уверенным взглядом. Касаюсь пальцами холодного стекла и вдруг замечаю ярко-розовый шрам, виднеющийся под рукавом футболки. Совсем свежий.

– Ты берешь или нет? – спрашивает Дарий.

Приподнимаю подбородок, сердце тревожно замирает. Я, конечно, уверена в своих силах, с алкоголем мы давно на ты, но... Такая ли хорошая идея пить вместе с привлекательным мужиком в квартире, где мы совершенно одни? Если он еще пару раз мне улыбнется и скажет нежное «Катюш», я за себя не отвечаю.

– Могу я отказаться?

– Нет, Катюш. Не можешь, – ласково говорит Дарий.

Сжимаю пальцы, чтобы удержать напиток, и стискиваю зубы, отклоняясь.

«Какой же он классный», – очарованно вздыхает внутренний редактор.

«И странный», – отвечаю я мысленно.

«Его это не портит».

Дарий опускает тарелку на кровать рядом с моим бедром и отходит к своему королевскому месту. Садится на матрас и подкладывает подушки под спину, вытягивает длинные ноги и скидывает тапочки, напрягая стопы. В моем крошечном

жилище он кажется непостижимо большим. Если я лягу на живот и протяну руку, то даже смогу его пощекотать. Может быть, так и сделаю через пару стаканов.

– Вам удобно, Дарий Викторович? – спрашиваю я с на-смешливой вежливостью.

– Вполне, – беспечно отвечает он, открывая коробку с лапшой.

Такой спокойный, что даже бесит. Выжидаю немного, Дарий накручивает лапшу на вилку и подносит ее ко рту.

– Я туда плюнула! Детская привычка, чтобы ни с кем не делиться.

Дарий никак не реагирует на мои слова и расправляется с лапшой за пару минут. Вытирает салфеткой губы, берет стакан с вином и делает небольшой глоток, после которого расслабленно выдыхает:

– Спасибо.

Ничем его не пронять! Ты посмотри! Кажется, я начинаю понимать Лану, которая называла Елисея бесчувственным булыжником, но тут случай еще сложнее. У Дария есть чувства, а вот их истинная природа мне неизвестна.

– Пожалуйста, – отвечаю я.

Делаю глоток, вино стекает по горлу, оставляя после себя приятный сладкий привкус и легкую горчинку, но, к сожалению, пока еще не приносит желанного расслабления телу и мыслям.

– Вкусно, Катюш?

– Да. Это мое любимое.

– Тогда сделай еще три глотка и можешь начинать жаловаться.

Розовое вино поблескивает в стакане, отражая свет потолочных ламп, а моему смятению нет предела. Я бы очень хотела верить, что все происходящее – заслуга моих гениальных идей и продуманных шагов, но нет же. Черт возьми, нет!

– Почему ты поцеловал меня сегодня? – спрашиваю я на выдохе, не решаясь поднять взгляд.

– Глупый вопрос.

– Все равно ответь.

– Ладно, но взамен ты ответишь на все вопросы, которые задам я.

– Идет.

Затихаю в ожидании, спокойный завораживающий голос струится от одного конца комнаты в другой:

– Потому что тебе было страшно. Ты хотела сбежать, но не могла. Потому что он давил на тебя и почти прогнул. Потому что я видел, как ты плакала тогда на балконе, и...

– Хватит!

– Ты не дослушала.

Мокрая шкурка котенка, которую я сама же на себя натянула, вдруг становится невыносимо тесной и неудобной. Я хотела, чтобы Дарий жалел меня, но не думала, что это будет настолько унижительно.

– Я уже и так все поняла, – горько усмехаюсь я.

– И что же ты поняла?

– Ты добрый, а я жалкая.

Запиваю молчание парой глотков вина и решительно поднимаю голову. Глаза Дария медленно движутся по моему телу от макушки до стоп и обратно. Сердце набирает темп, пульсация поднимается по горлу. Ну почему он так смотрит? Я ведь еще ничего толком не сделала, ни один мой шаг не сработал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.